
Рене Генон
СИМВОЛИКА КРЕСТА

Annotation

В книге французского мыслителя-традиционалиста Рене Генона (1886–1951) исследуются основные символы, используемые в различных цивилизационных, религиозных, мифологических системах. Царь Мира раскрывает тайны иерархии духовной власти и ее священного центра.

- Рене Генон
  - Ю.Н. СТЕФАНОВ. "Не заблудиться по пути в Шамбалу"
  - Глава I. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АГАРТХЕ НА ЗАПАДЕ
  - Глава II. ЦАРСТВО И ЖРЕЧЕСТВО
  - Глава III. «ШЕХИНА» И "МЕТАТРОН"
  - Глава IV. ТРИ ВЫСШИХ ЧИНА
  - Глава V. СИМВОЛИКА ГРААЛЯ
  - Глава VI. "МЕЛКИ-ЦЕДЕК"
  - Глава VII. «ЛУЗ» ИЛИ ОБИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ
  - Глава VIII. ВЫСШИЙ ЦЕНТР, СОКРЫТЫЙ В ПЕРИОД "КАЛИ-ЮГИ"
  - Глава IX. «ОМФАЛОС» И БЕТИЛЫ
  - Глава X. НАЗВАНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ
  - Глава XI. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ
  - Глава XII. НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91

- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130

- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169

- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201

Рене Генон
Царь Мира

Ю.Н. СТЕФАНОВ. "Не заблудиться по пути в Шамбалу"

Этим предостережением завершается фантастическая новелла Мирчи Элиаде "Загадка доктора Хонигбсргера", где речь идет о человеке, отыскавшем доступ к "мифической стране, по преданию располагающейся где-то на севере Индии, куда могут попасть лишь посвященные, да и то лишь после тщательной и суровой подготовки".[1] Герой рассказа не изучал карты и дневники своих предшественников, пытавшихся проникнуть в эту загадочную гималайскую державу, не снаряжал дорогостоящих экспедиций, не выпытывал дорогу у местных проводников. После долгих занятий йогой — им отдал дань и сам Элиаде, проведший более двух лет в горных монастырях Непала и Бутана, — он понял, что область эта "скрыта от глаз человеческих не бог весть какими природными препятствиями — высокими горами или глубокими водами, — а пространством духовного опыта, качественно отличным от пространства других человеческих знаний".[2] В конце концов, не покидая стен своего кабинета, доктор Хонигбергер оказывается в тех «запредельных» краях, в той, говоря словами Николая Гумилева, "Индии духа", где так и не удалось побывать многим знаменитым путешественникам, понапрасну блуждавшим вокруг да около "затерянного царства"…

Первые упоминания о нем появились в Европе в середине XII в., когда несколько духовных и светских владык Запада, в том числе папа Александр III, византийский император Мануил Компин и король Франции Людовик VII будто бы получили послание от "пресвитера Иоанна", в котором описывалась его обширная и полная чудес держава. А двумя веками позже немецкий космограф Конрад фон Мегенберг сообщал о пресвитере Иоанне следующее: "Это владыка всех живущих на земле и царь всех царей земли. Дворец его наделен такою благодатью, что никто из вошедших в него не сможет заболеть, не будет чувствовать голода и, находясь там, не умрет".[3]

Сказания о "Царстве попа Ивана" или «Беловодье» в многочисленных изводах достигли Древней Руси. Судя по обилию дошедших до нас рукописей, наши предки с интересом читали и переписывали такие "отреченные книги", как "Хождение Зосимы к брахманам", "Слово о видении апостола Павла", "Сказание об Индийском царстве", где фантастические описания "земель незнаемых" питались отголосками еще

более Древних легенд, восходивших к «Александрии» Псевдо-Каллисфена. Это сочинение, создававшееся во II–III вв. по Р.Х., а затем во множестве разноязычных обработок разошедшееся по всей Европе, повествует о странствиях Александра Македонского, решившего достичь "Макарейских островов" или "Земли блаженной". Образ загадочной страны, расположенной где-то на окраине Вселенной, в сознании древнерусских книжников связывался с образом земного рая, сокровенного прибежища первозданной чистоты и мудрости, якобы сохранившегося на растленной и греховной земле. Вера в реальность его существования была так велика, что в XIV в. новгородский архиепископ Василий в своем послании владыке тверскому Феодору обстоятельно и красноречиво доказывает, что "рай на востоке, созданный Адама ради, не погиб".[4] Нелишне заметить, что интерес наших предков к легендам о Беловодье не был чисто умозрительным. Вплоть до начала XX в. старообрядческие общины Заволжья, Урала и Сибири отряжали бывалых людей на поиски того места, "идеже небо прилежит к земли", чтобы узреть там "самосиянный свет" и напиться из "молодильного источника", о которых говорится в древних рукописях.

Сходные символические образы, относящиеся к обители блаженных", куда, по кабалистическим представлениям, "нет доступа Ангелу смерти", известны и в других традициях. В этой связи можно вспомнить не только кельтские саги, повествующие о "стеклянном острове в Западном море" или мусульманские легенды о стране Каф, но и хрестоматийные греческие мифы о садах Гесперид, — все это разные огласовки единой мелодии, зовущей человечество к утраченному им гармоничному и просветленному строю бытия "допотопных эпох".

Но есть и некоторая разница между чисто литературными, обобщенными образами "земного рая" и более или менее конкретными сведениями (или домыслами) о той стране в глубинах Центральной Азии, которая в разных источниках именуется по-разному.

В мифологии махаяны она известна как «Шамбала» — это держава царя-жреца Сучандры, символический "центр мира", окруженный восемью горами, напоминающими цветок священного лотоса. Так именует ее и Николай Рерих в своем сочинении "Сердце Азии" (1931). Пафос этого нарочито бессвязного и двусмысленного опуса сводится к противопоставлению сказочной Шамбалы и реальной Лхасы, в ту пору столицы независимого Тибета. Владыка Шамбалы, принимающий в брошюре Рериха имя и нрав воинственного Гесер-хана, призван "уничтожить нечестивые элементы Лхасы", и "станет город Лхаса

омраченным и пустым".[5] Пророчество нашего замечательного художника, к сожалению, сбылось, однако не будем забывать, что вовсе не из "обители бессмертных" ринулось на Тибет, да и на многие другие страны, воинство смерти…

Полутора десятилетиями раньше те же места посетил другой российский путешественник, Фердинанд Оссендовский, автор замечательной книги "И звери, и люди, и боги" (1922), на которую часто ссылается Рерих, не указывая, правда, ни ее автора, ни названия. Оссендовский 'оперирует другим названием таинственной страны, он говорит об «Агарти», исполинском подземном святилище, где с незапамятных времен сосредоточена власть "Царя мира", некоего посредника между Богом и людьми. "Царь мира, — пишет Оссендовский, — постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества. Если те угодны Богу, Царь мира тайно поможет их осуществлению, если нет, помешает".[6] Из книги "И звери, и люди, и боги" можно заключить, что ее автор не был знаком с древнерусскими апокрифами, касающимися Беловодья, но тем более поразительна перекличка его слов с такими описаниями «рахманов-брахманов» из "Хождения Зосимы": "Им известны и мирские дела, потому что о них им поведают ангелы, пребывающие всегда с ними. О делах праведных они радуются вместе с ангелами, о грешных же печалятся и со слезами умоляют Бога, чтобы Он простил грехи их".[7]

Еще раньше то же название таинственной страны, но в несколько другой огласовке, прозвучало в книгах Е.П. Блаватской "Из пещер и дебрей Индостана" (отд. изд. 1912) и французского оккультиста Александра Сент-Ив д'Альвейдра "Миссия Индии в Европе" (1911, русск. пер. 1915). Кратко изложив мифическую историю "Асгарты, города солнца", русская путешественница сообщает о своем посещении заброшенных катакомбных храмов, являющихся, по ее утверждению, ответвлениями подземных ходов, которые существуют с тех незапамятных времен, "когда Асгарта еще находилась в числе других городов, процветая на земной поверхности".[8] Интересно отметить, что всесторонне образованная основательница "Всемирного теософского общества" не случайно выбрала именно такую огласовку для названия развалин бывшего "города Солнца" — эта транскрипция явственно перекликается с «Асгардом», обителью асов, высших божеств скандинавской мифологии. Ведь многие источники, касающиеся вопроса о Шамбале-Агартхе, настаивают на том, что в "начале времен" это святилище располагалось не в недрах земли, а на ее

поверхности и отправлявшемуся в нем культу был присущ именно «солнечный» характер.

Книжка Сент-Ив д'Альвейдра написана якобы по внушению некоего "афганского принца Хаджи Шарифа, посланника Оккультного Правительства",[9] дабы возвестить человечеству о существовании «Агарты» и ее "миссии в Европе". Этот сравнительно небольшой текст отличается идейным эклектизмом, стилистической высокопарностью, которая в дурном русском переводе производит почти комическое впечатление, а также крайней политической амбициозностью. Автор то и дело апеллирует к французскому президенту, римскому папе и российскому императору, призывая их соизмерять собственные интересы с интересами таинственной державы, не нанесенной ни на одну из карт мира. «Агарта» видится Сент-Иву подобием, если можно так выразиться, "подземного рая", населенного, однако, не "блаженными брахманами", а жрецами-технократами: "Все ими изучено в пространстве и пучине морей, даже роль магнитных токов, идущих от одного полюса к другому. Все изучено в воздухе, даже и невидимые сущности, которые там пребывают, даже электричество, которое там развивается в эхо, после того как оно образовалось в недрах земного шара, чтобы туда возвратиться".[10] Автор рассматривает древние образы сквозь обманчивую линзу «научно-технического» прогресса, и немудрено поэтому, что в его сочинении они обретают характер настоящей фантасмагории, которой позавидовал бы, пожалуй, и сам Уэллс.

Напыщенная брошюра Сент-Ива породила немало перепевов и подражаний, анализу которых посвящен обстоятельный сводный труд Сержа Ютена "От подземных миров к Царю Мира". Судя по нему, количество и качество технических приспособлений, таящихся в пещерах Гималаев, возрастает с каждой новой печатной работой об Агартхе-Шамбале. В наши дни шамбалиты "никогда не покидают своих пещер, а те, кому нужно выбраться па поверхность, пользуются для этой цели летающими тарелками[11] с кондиционированной подачей воздуха, которая позволяет им выжить в условиях земной атмосферы".[12] Современным «Махатмам» ведомы не только тайны "магнитных токов, идущих от одного полюса до другого", о чем, как мы помним, писал еще Сент-Ив: идя в ногу со временем и даже опережая его, они успели овладеть тайнами антиматерии и антигравитации… Все эти «откровения» свидетельствуют о том, что мы не в силах произвести адекватную оценку тех или иных фактов, не укладывающихся в рамки привычных житейских

представлений. Нами утеряны (или отброшены) мерила правды и вымысла, добра и зла, без которых древние не могли бы ступить и шагу как в повседневной жизни, так и в области сакрального. Мы, при всем нашем всезнайстве, готовы воспринять более или менее буквально даже те факты, которые в Древности или в Средние века, скорее всего, стали бы предметом символических или аллегорических толкований. То, что было для наших предков потрясающим и просветляющим опытом общения с высшими мирами или зловещим знамением, предостерегающим от контакта с выходцами из инфернальных областей, переживается нами главным образом как заманчивая возможность познакомиться с «техническими» достижениями потусторонних жителей, а при случае — и поживиться кое-какими сувенирами непонятного или подозрительного происхождения. Короче говоря, мы просто физически не способны увидеть иное, даже если оно предстанет перед нами во всей своей неотразимой полноте. Нас со всех сторон обступают наши собственные отражения, к тому же искаженные и замутненные нашей слепой уверенностью в правоте наших воззрений и ясности нашего взгляда…

Если для Рериха и, в известной мере, для Оссендовского "затерянное царство" представлялось прежде всего "реальной силой, способной влиять на политическую жизнь Азии", если для Сснт-Ива и его последователей оно служило воплощением технократических и «прогрессистских» иллюзий, постепенно изживаемых современным человечеством, то наиболее проницательные из исследователей, писавших об Агартхе-Шамбале, в своих толкованиях этой запутанной проблемы опираются не на собственный эмпирический опыт, как это делал Оссендовский, и не на послания подозрительных «махатм», а на сокровищницу традиционных знаний, общую для всего человечества. В данном номере читатель познакомится с небольшой, но чрезвычайно емкой работой французского эзотерика Рене Генона (1886–1951),[13] весьма далекой как от красочных путевых заметок Оссендовского, так и от выспренних фантазий Сент-Ива. "Их высказывания, — пишет Генон, — могут послужить отправной точкой для рассуждений, которые не имеют никакого отношения ни к тому, ни к другому, и суть которых во много раз значительней их личных мнений, равно как и нашего, которое в данном вопросе тоже может не приниматься в расчет".

Глубоко символичный и многозначный образ недосягаемого духовного центра, расположенного где-то в центре Гималаев, представляется Генону ни чем иным, как отражением "надчеловеческой реальности", вопреки всему пребывающей в нашем космосе, подверженном старению и распаду.

Но прежде чем говорить о подходе Генона к интересующей нас проблеме, стоит сказать несколько слов об основном философском понятии, разработке которого он посвятил всю. жизнь. Речь идет о «традиции», т. е. совокупности знаний «нечеловеческого» происхождения и характера, передаваемых из уст в уста в течение тысячелетий и составляющих духовную основу как любого здорового общества, так и отдельного человеческого существа. Целью «традиционных» знаний является восхождение человека по космической лестнице вплоть до встречи и слияния или, как писал Генон, «отождествления» с Абсолютом.

В этом «традиция», как ее понимал французский мыслитель, полностью противоположна "мирским лженаукам", основанным не на Откровении, а на опыте, и стремящимся, самое большее, улучшить материальные условия жизни человека в этом мире, не задаваясь и тенью вопроса о его участи в иных мирах. Исторический процесс, по Генону, состоит в неуклонном помрачении первозданных истин, на смену которым приходят соблазнительные и обманчивые идеи прогресса, всеобщего равенства и обоготворения тленной человеческой природы, приводящие, в конце концов, к торжеству отнюдь не гуманистических, а вполне сатанинских начал, к преклонению перед стадным духом, превращению качества в количество и массовому производству предметов, столь же схожих между собой, как и люди, которые их производят.

Этические стороны учения Генона известным образом соотносимы с отдельными положениями таких мыслителей XX в., как Ортега-и-Гассет или Николай Бердяев, однако, в отличие от них, "каирский отшельник" был ярым антиперсоналистом, ибо считал, что человеческая личность обладает ценностью лишь в той мере, в какой она служит отправной точкой для достижения высших состояний. В этом смысле он стоит гораздо ближе к Павлу Флоренскому, в чьих грудах можно найти поразительные переклички с его собственными мыслями. "Нет однообразной равнины земной поверхности, — писал отец Павел Флоренский, — но всюду — лестницы восхождений и нисхождений".[14] Истинная реальность для него, так же как и для Генона, надчеловечна, хотя она является нам конкретно и наглядно.

Одним из проявлений этой надчеловеческой реальности в нашем мире служит наличие в нем одного или нескольких "духовных центров", где хранятся сокровищницы довременных, традиционных знаний. В начале нашего временного цикла (Манвантары), учит Генон, эти святилища были относительно открытыми и доступными физическому восприятию; с течением времени неуклонный процесс духовного упадка, влекущий за собой разделение и помрачение во всех космических и человеческих

сферах, обусловил все возрастающий разрыв между самой идеей традиции, теми, кто ее хранит, и теми, кому она предназначена. "Град бессмертия", который первоначально считался расположенным на Полюсе или на вершине символической "Мировой горы", превратился в подземное, потаенное святилище, таинственным образом скрытое от постороннего и враждебного взгляда. Генон любил сравнивать такое «свернутое» состояние традиции с образом ветхозаветного ковчега, хранящего в себе начатки будущего мира. Традиция, по Генону, может помрачиться, но не может пресечься, прекратить свое существование, ибо все бури и катаклизмы истории не властны над ее божественной сутью. В каком-то смысле традиция и есть «Агартха» — недоступная, недосягаемая.

Еще один смысл потаенного святилища, заимствованный из Книги Бытия — это таинственный город Луз, "Обитель живых", куда нет доступа Ангелу Смерти, — вспомним приведенную в начале статьи цитату из Конрада фон Мегенберга, где говорится о бессмертии, даруемом тому, кто войдет во дворец "владыки всех живущих на земле". Словом «луз» в кабалистических сочинениях обозначают также некую неразрушимую телесную частицу, которая символически мыслится в виде очень твердой косточки, "миндального зернышка", где пребывает после смерти вплоть до воскрешения нетленное начало, человеческого существа. Сходные теории, связывающие воедино символику неприкосновенного «ядра» вселенной и живоносного «ядрышка», скрытого в теле человека, встречаются и в других традициях: достаточно вспомнить о так называемом "ожерелье Будды", системе подкожных образований в области шеи, служащих своего рода связующим звеном между «телесной» и «духовной» модальностями человека.[15]

Развивая мысли Генона, касающиеся соотношения космических и личностных элементов в символике Агартхи, его ученик и популяризатор Люк Бенуа писал: "Рассматриваемый геометрически как начало протяженности, а биологически — как зерно, заключающее в себе всю совокупность космических проявлений, каждый такой центр является отправной точкой для развития всех пространств, времен и состояний. Что же касается микрокосмической точки зрения, то все традиции утверждают, что центр человеческого существа расположен в "пещере сердца".[16]

Сам Генон посвятил целый ряд статей сопоставлению символики "пещеры сердца" и "космической пещеры", под которой следует понимать все мироздание. В них дается более или менее исчерпывающий ответ на вопрос об Агартхе и Царе мира. "Область живых" доступна лишь тому, кто

сумел отождествить "пространство сердца" с божественным "градом Брахмана", как о том говорится в Упанишадах: "Поистине, тот кто знает этого высшего Брахмана, сам становится Брахманом… Он преодолевает скорбь, преодолевает зло, освобожденный от уз в тайнике сердца, он становится бессмертным".[17]

Того, кто хотя бы чисто умозрительно вникнет в суть этого отождествления, перестанут тревожить чересчур заземленные вопросы о большей или меньшей реальности Агартхи и о ее пространственной локализации. "Географические, исторические, да и все прочие факты, — пишет Генон в заключение своей работы, — сами по себе имеют лишь чисто символический интерес, что, впрочем, не только не исключает их непосредственной реальности, но и наделяет ее высшим смыслом".

Недосягаемая Агартха — это сердце человеческое. Царь мира — человек» осознавший свою причастность ко всей полноте абсолютного бытия. Отныне над ним не властны ни звери, ни люди, ни боги.

Ю.Н. Стефанов

Глава I. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АГАРТХЕ НА ЗАПАДЕ

Книга Сент-Ив д'Альвейдра "Миссия Индии", опубликованная посмертно, в 1911 г., содержит описание таинственного центра посвящения, именуемого Агартхой; многим из читателей этой книги она могла показаться плодом воображения, вымыслом, не имеющим никакого отношения к реальной действительности. Такое суждение в известной мере оправдано, особенно, если понимать буквально некоторые из содержащихся в ней неправдоподобных деталей; это наверняка сознавал и сам автор, не спешивший выпустить в свет давно уже написанное, но не до конца отделанное произведение. С другой стороны, упоминания об Агартхе и ее владыке Брахматме до сих пор встречались только в романах Луи Жаколио, писателя весьма малосерьезного, на чей авторитет полагаться ни в коем случае нельзя. Впрочем, лично мы думаем, что в бытность свою в Индии он мог получить кое-какие сведения относительно Агартхи, но в его романах они получили совершенно превратное и фантастическое толкование. Так обстояло дело до 1924 г., когда произошло новое и в какой-то мере неожиданное событие: выход в свет книги Фердинанда Оссендовского "И звери, и люди, и боги", в которой он описывает свое полное приключений путешествие по Центральной Азии в 1920–1921 гг. В заключительной части книги содержатся сведения, почти полностью совпадающие с сообщениями Сент-Ива. Шумиха, поднятая вокруг этой публикации, является, на наш взгляд, подходящим поводом, для того чтобы прервать заговор молчания вокруг вопроса об Агартхе.

Как и следовало ожидать, скептически или недоброжелательно настроенные критики не постеснялись обвинить Оссендовского в вульгарном плагиате, приводя в качестве подтверждения своих нападок совпадающие по смыслу отрывки из обоих сочинений, а надо сказать, что таковых и впрямь наберется немало, причем совпадения даже в деталях бывают просто поразительными. Начать хотя бы с того, что кажется самым невероятным у самого Сент-Ива, а именно, с утверждения о том, будто существует некий подземный мир, простирающий повсюду, под всеми материками и даже океанами, свои разветвления, посредством которых осуществляются незримые связи между различными областями Земного

шара. Что же касается Оссендовского, то он, не беря на себя ответственность за подобное утверждение и даже сомневаясь в его достоверности, приписывает его различным людям, с которыми он встречался во время своих странствий. Среди более частных параллелей следует отметить пассаж, в котором описывается "Царь Мира", стоящий перед гробницей своего предшественника, то место, где поднимается вопрос о происхождении цыган, будто бы живших некогда в Агартхе,[18] и многое другое. Сент-Ив пишет, например, что во время празднования подземных "Космических мистерий" путники, идущие по пустыне, волей-неволей останавливаются, а все живое вокруг в ужасе замирает. Оссендовский уверяет, что сам присутствовал при одном из таких явлений. Есть в их книгах и еще одно странное совпадение: история ныне исчезнувшего острова, населенного необыкновенными людьми и животными, и, хотя Сент-Ив в данном случае цитирует пассаж из Диодора Сицилийского, в котором описывается плавание Ямбула, а Оссендовский говорит о путешествии некоего буддийского монаха из Непала, в обоих эпизодах содержится много общего; если и впрямь существуют две версии этого рассказа, происходящие из столь разных источников, было бы интересно отыскать эти источники и сопоставить их между собой.

Приводя все эти параллели, мы вовсе не хотели сказать, что они убеждают нас в реальности плагиата; впрочем, мы не имеем ни малейшего намерения вступать по этому поводу в дискуссию, которая нас не очень-то интересует. Помимо свидетельств Оссендовского, переданных нам лично, мы располагаем сведениями из совсем иных источников, которые утверждают, что рассказы такого рода обычны в Монголии и во всей Центральной Азии; добавим сразу же, что нечто подобное существует в традициях почти всех народов. С другой стороны, если принять, что Оссендовский частично скопировал "Миссию Индии", остается непонятным, почему он опустил некоторые эффектные пассажи и изменил форму написания кое-каких имен собственных: например, «Агарти» вместо «Агартхи». А ведь эта замена объясняется просто-напросто тем обстоятельством, что он черпал свою информацию из монгольских источников, тогда как Сент-Ив получал ее из Индии (известно, что он поддерживал отношения по крайней мере с двумя индусами);[19] непонятно также, почему он употреблял для обозначения главы духовной иерархии титул "Царь Мира", который нигде не встречается у Сент-Ива. Если даже принять возможность тех или иных заимствований, остается необъяснимым тот факт, что Оссендовский говорит иногда о вещах, не

встречающихся в "Миссии Индии", и которые он никак не мог выдумать из головы, тем более, что, увлеченный политическими идеями и учениями, он почти ничего не знал об эзотеризме и был не способен осознать подлинный смысл излагаемых им сведений. Таков, например, рассказ о "черном камне", некогда посланном Далай-Ламе Царем Мира и перенесенном затем в Монголию, в Ургу, где он исчез около ста лет назад;[20] а ведь известно, сколь важную роль играют "черные камни" во многих традициях, начиная с символа Кибелы и кончая "черным камнем", вмурованным в мекканскую Каабу.[21]

Вот еще один пример: Оссендовский утверждает, что Богдо-Хан или "Живой Будда", чья резиденция находится в Урге, владеет, в числе прочих своих драгоценностей, перстнем Чингис-Хана, на котором выгравирована свастика, и тамгой — медной пластинкой с оттиском печати "Царя Мира"; сам Оссендовский видел, будто бы, только первый из двух этих предметов; что же касается второго, то было бы понятней, если бы он говорил о золотой, а не о медной тамге.

Этих нескольких предварительных замечаний вполне достаточно, ибо мы абсолютно чужды духу полемики и не собираемся касаться личных вопросов; если мы цитировали Оссендовского и даже Сент-Ива, то лишь потому, что их высказывания могут послужить отправной точкой для рассуждений, которые не имеют никакого отношения ни к тому, ни к другому, и суть которых во много раз значительней их личных мнений, равно как и нашего, которое в данном вопросе тоже не может приниматься в расчет. Говоря об их сочинениях, мы вовсе не хотим вдаваться в пустую "критику текстов"; наша цель — дать кое-какие пояснения, которые до сих пор еще не сделаны были никем, по крайней мере, нам это неизвестно, — пояснения, которые могут в известной мере приоткрыть завесу над тем, что сам Оссендовский называет "тайной тайн".[22]

Глава II. ЦАРСТВО И ЖРЕЧЕСТВО

Титул "Царя Мира", понимаемый в самом возвышенном, самом полном и в то же время самом строгом значении, прилагается, собственно, к Ману, вселенскому законодателю первозданных времен, чье имя, в той или иной огласовке, встречается у многих народов древности; вспомним хотя бы Мину или Менеса у египтян, Менва у кельтов, Миноса у греков.[23] Впрочем, все эти имена вовсе не принадлежат какому бы то ни было историческому или легендарному персонажу; на самом деле они являются обозначением некоего принципа, космического Разума, который, будучи отражением чистого духовного Света, изрекает формулы Закона (Дхармы), соответствующего условиям нашего мира или бытийного цикла; Ману является в то же время архетипом человека, рассматриваемого в первую очередь как мыслящее существо (манава по-санскритски).

С другой стороны, здесь важно отметить, что этот принцип может проявиться и в виде духовного центра, укорененного в земном мире, и в виде организации, призванной хранить сокровищницу священной традиции нечеловеческого (апаурушейа) происхождения, посредством которой первозданная Мудрость из века в век передается тем, кто способен ее воспринять. Глава такой организации, в каком-то смысле представляющий самого Ману, мог законным образом претендовать на его титул и атрибуты; более того, та ступень познания, которой он должен был достичь, чтобы иметь возможность отправлять свои функции, реально отождествляла его с тем принципом, человеческим отражением которого он являлся и в сравнении с которым превращалась в ничто его индивидуальность. Таким духовным центром и является Агартха, если верить утверждениям Сент-Ива, согласно которым она представляет из себя наследие древней "солнечной династии" (Сурья-ванша), некогда царившей в Айодхе[24] и возводившей свое начало к Вайвасвате, Ману теперешнего мирового цикла.

Сент-Ив, как мы уже говорили, не рассматривает верховного повелителя Агартхи как "Царя Мира"; он именует его "Верховным Понтификом" и представляет главой некоей "Брахманической церкви", — само название этой организации выдает чересчур европеизированные концепции автора.[25] Учитывая эту оговорку, можно сказать, что его сведения по данному вопросу дополняют сказанное Оссендовским; создается впечатление, что каждый из них видел только один аспект проблемы, отвечавший его склонностям и непосредственным занятиям,

потому что на самом деле речь тут идет о двойственной власти, одновременно жреческой и царской. «Понтификальный» характер этой власти, в самом прямом смысле слова, принадлежит по преимуществу главе инициатической иерархии, что требует некоторых пояснений: «Понтифекс» буквально значит «мостостроитель», этот римский по происхождению титул является в каком-то смысле «масонским»; символически его носитель выполняет функцию посредника, обеспечивающего связь между нашим миром и высшими мирами.[26] В этом смысле радуга, "небесный мост", является естественным символом «понтификата», и поэтому все традиции наделяют ее поразительно сходными значениями: так, у евреев она — залог завета между Богом и его народом, в Китае это знак союза между Небом и Землей, в Греции она олицетворяется Иридой, "вестницей Богов", и почти везде, у скандинавов, персов и арабов, в Центральной Африке и Северной Америке, она представляется мостом, связующим чувственный и сверхчувственный миры.

Общность двух властей — жреческой и царской — получила в древнем Риме отражение в некоторых аспектах символики Януса, символики чрезвычайно сложной и многозначительной. Золотой и серебряный ключи в руках Януса соответствовали двум видам посвящения.[27] Речь идет, если употреблять индусскую терминологию о пути брахманов и пути кшатриев, но на вершине обеих этих иерархий покоится их общий принцип, наделяющий ту и другую соответствующими полномочиями и, следовательно, предшествующий их разделению, поскольку именно в этом принципе заключается источник всякой законной власти, в какой бы области она ни проявлялась; посвященные Агартхи — это ативарна, т. е. "люди вне каст".[28]

Много говорилось о таинственной стране, "царстве пресвитера Иоанна".[29] То было время, когда, так сказать, "внешняя оболочка духовного центра", о котором идет речь, состояла по большей части из несториан (кто бы они ни были на самом деле) и сабеян,[30] именовавших себя "учениками Иоанна". В этой связи хочется сделать и такое замечание: по меньшей мере любопытно, что многие из восточных сообществ крайне замкнутого характера, от исмаилитов или учеников "Горного старца" до ливанских друзов, называли себя, как и некоторые из европейских рыцарских орденов, "хранителями Святой Земли". В дальнейшем мы постараемся подробней истолковать смысл этого выражения, а пока скажем лишь, что Сент-Ив нашел весьма точное — быть может, более точное, чем

он сам думал — определение для воинства таинственной страны: "Тамплиеры Агартхи". А для тех, кого удивило только что употребленное нами выражение "внешняя оболочка", добавим, что рыцарское посвящение было по сути своей идентично посвящению кшатриев, что объясняет, между прочим, главенствующую роль любовной символики в рыцарском обиходе.[31] Как бы там ни было, понятие о лице, являющемся одновременно священником и царем, нельзя считать особенно распространенным на Западе, хотя оно заложено в самом основании христианства в виде загадочных образов «царей-волхвов». Но даже в Средние века высшая власть в Европе (по крайней мере, внешне) была разделена между Папс твом и Империей.[32] Такое разделение можно рассматривать как признак духовно не завершенной организации, поскольку в ней не был выявлен общий принцип, из которого проистекают и от которого зависят оба вида власти; подлинная высшая власть должна была осуществляться откуда-то извне. В противоположность этому, на Востоке подобное разделение власти встречается разве что в порядке исключения; вспомним о явной несопоставимости деятельности Будды и Чакраварти или "вселенского владыки":[33] ведь реальному Шакья-Муни пришлось в свое время сделать выбор между тем и другим.

Стоит добавить, что сам термин Чакраварти, в котором нет ничего специально буддийского, в индуистской традиции зачастую прилагается к Ману или к его представителям: Чакраварти — это, буквально, "вращающий колесо", т. е. тот, кто, пребывая в центре мироздания, управляет движением вещей, не принимая в нем непосредственного участия, или, согласно утверждению Аристотеля, является "неподвижным двигателем".[34]

Здесь нам хотелось бы обратить особенное внимание читателя вот на что: центр, о котором идет речь, — это недвижная точка, во всех традициях единодушно именуемая символическим «полюсом» бытия, ибо именно вокруг нее осуществляется круговращение мира, который, в свою очередь, чаще всего символизируется колесом: именно так обстоит дело и у кельтов, и у шумеров, и у индусов.[35] Таков истинный смысл свастики, знака, распространенного от Дальнего Востока до Крайнего Запада;[36] это прежде всего "знак полюса", о чем следовало бы знать современным ученым, которые напрасно пытались объяснить этот символ с помощью самых фантастических теорий. Большинство из этих ученых, одержимые "своего рода навязчивой идеей, не желают видеть в нем ничего, кроме "солярного" [37] знака, тогда как он принимает такое значение лишь изредка и случайно.

Другие, более близкие к истине, рассматривают свастику как символ движения, но эта интерпретация, не будучи ложной, совершенно недостаточна, ибо здесь идет речь не просто о движении, но о круговращении вокруг некоего центра или незыблемой оси; именно эта неподвижная точка, повторяем, и является основным элементом, к которому самым непосредственным образом относится рассматриваемый символ.

Приведем еще одно мнение, куда более фантастическое, нежели все остальные, согласно которому свастика представляет собой схему древнего инструмента для добывания огня; однако знак этот, и впрямь иногда имеющий некоторое отношение к огню, поскольку является символом Агни, нельзя сводить к столь примитивному прообразу.

Из того, что мы только что сказали, можно уяснить, что" Царь Мира" должен обладать прежде всего полномочиями распорядительными и регулирующими (заметим попутно, что последнее из этих слов неспроста имеет общий корень со словами «rex» и "regere"), — полномочиями, как «равновесие» или «гармония»; на санскрите они с предельной точностью передаются термином "дхарма",[38] обозначающим отражение незыблемости высшего Принципа в мире проявленного. Из тех же рассуждений вытекает, почему основными атрибутами "Царя Мира" являются «Справедливость» и «Миролюбие», которые можно считать лишь внешними формами этого равновесия и этой гармонии в "человеческом мире" (манава-лока).[39] 'Этот пункт также имеет огромное значение, о котором мы должны напомнить тем, кто позволяет себе поддаться химерическим страхам, отзвук которых встречается и в последних строках книги Оссендовского.

Глава III. «ШЕХИНА» И "МЕТАТРОН"

Нет сомнений, что иные робкие умы, чье мышление целиком ограничено предвзятыми идеями, успели прийти в ужас от одного словосочетания "Царь Мира", которое они поспешили сопоставить с встречающимся в Евангелии выражением "Князь мира сего". Само собой разумеется, что подобное сопоставление является совершенно ошибочным и безосновательным; чтобы опровергнуть его, достаточно вспомнить, что как в еврейском, так и в арабском языке выражение "Царь Мира" нередко прилагается к самому Богу. Попытаемся в связи со всем этим изложить здесь некоторые теории еврейской Каббалы относительно "небесных посредников", — теории, которые имеют самое прямое отношение к основной теме настоящего исследования.

"Небесные посредники", о которых идет речь, это Шехина и Метатрон; скажем прежде всего, что в самом общем смысле Шехина — это "реальное присутствие" Божества в мире. Следует заметить, что в тех местах Писания, где упоминается Шехина, чаще всего говорится о созидании духовного центра: сооружении ковчега завета, построении храмов Соломона и царицы Зороавель. Такой центр, устрояемый в соответствии со строго определенными правилами, и в самом деле должен являться местом проявления божества, рассматриваемого прежде всего в своем светоносном обличье; любопытно заметить, что выражение "место пресветлое и пречистое", сохраненное в масонстве, вполне может быть отзвуком древней жреческой науки, касающейся воздвижения храмов, которая, разумеется, была знакома не только одним евреям. Вообще же Шехина представляется в многочисленных аспектах, главными из которых являются два — внутренний и внешний; оба они яснее всего определяются фразой, содержащейся в другой традиции — христианской: "Gloria in excelsis Deo, et in Terra Pax hominibus bonae voluntatis"<Слава в вышних Богу, и на земле мир" (лат.)>. Слова «Gloria» и "Pax"<"Слава" и «Мир» (лат.)> относятся соответственно к внутреннему и внешнему аспекту вопроса, т. е. к Принципу и к проявленному миру; рассматривая эти слова с данной точки зрения, тут же понимаешь, почему они произнесены ангелами (Малаким), чтобы возвестить рождение "Бога с нами" или "в нас" (Эммануил). Относительно первого аспекта можно также припомнить теологические теории о "свете славы", в котором и посредством которого осуществляется "блаженное видение" (in excelsis); что же касается второго аспекта, т. е.

Мира (Pax), то он, в эзотерическом смысле, повсюду воспринимается как один из основных атрибутов духовных центров, установленных в нашем мире (in Terra). С другой стороны, арабский термин Шакина, соответствующий еврейскому Шехина, переводится как "Великое миролюбие" и, таким образом, полностью совпадает с розенкрейцерским понятием "Pax profunda"<"Глубокое умиротворение">; эта параллель позволяет объяснить, что именно розенкрейцеры понимали под выражением "Храм Святого Духа", а также уразуметь точный смысл евангельских текстов, в которых говорится о Мире,[40] тем более, что "тайная традиция, касающаяся Шехины, имеет некоторое отношение к свету Мессии". Г-н Вюйо, которому принадлежит данное указание,[41] не без основания подчеркивает, что речь идет о традиции, уготованной для тех, кто следует путем, ведущим в Pardes, т. е., как мы увидим в дальнейшем, в высший духовный центр.

Приведем и еще одну выдержку из г-на Вюйо, в которой говорится о "тайне, связанной с празднованием юбилеев"[42] и каким-то образом соотносящейся с идеей «Миролюбия»; здесь автор цитирует текст каббалистического трактата «Зогар»: (III, 52 в) "Поток, текущий из Эдема, носит имя Иобель" и Иеремии (XVII, 8): "… он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока", откуда следует, что "основная идея празднования юбилея заключается в возвращении всех вещей к их первозданному состоянию". Ясно, что это то самое "первозданное состояние", о котором свидетельствуют все традиции; мы более или менее подробно говорили о нем в нашем исследовании "Эзотеризм Данте", где проводится параллель между "Земным Раем" и "Небесным Иерусалимом". В сущности, суть этих соответствий неизменно сводится к описанию различных фаз циклического проявления и к идее Пардеса, центра нашего мира, который в традиционной символике всех народов сравнивается с сердцем, центром, человеческого существа и "вместилищем божества" (Брахма-пура в индийской традиции); в иудаизме он символизируется Ковчегом Завета, именуемым по-еврейски «Мишкан» ("обиталище Бога"), причем слово это происходит от того же корня, что и Шехина.

С другой точки зрения, Шехина — это совокупность Сефиротов; напомним в этой связи, что "правый ствол" сефиротического древа принадлежит Милосердию, а левый — Строгости.[43] Прослеживая те же аспекты в образе Шехины, можно сказать, что, по крайней мере в известном смысле. Строгость соответствует Справедливости, а

Милосердие — Миру.[44] "Когда человек согрешает и удаляется от Шехины, он подпадает под власть сил (Сарим), зависящих от Строгости",[45] и тогда Шехина зовется "рукой строгости", что напоминает всем известный символ "руки правосудия"; если же, напротив, "человек приближается к Шехине, он обретает свободу", а Шехина в таком случае предстает как "десница божия", т. е. "рука правосудия" становится "рукой благословляющей".[46]

Таковы тайны "Дома справедливости" (Бейт-Дин) — еще одного синонима высшего духовного Центра;[47] вряд ли стоит говорить, что оба аспекта, которые мы только что рассмотрели, соответствуют тому уделу, который в христианской иконографии Страшного суда уготован праведникам и грешникам. Равным образом можно установить связь этой символики с двумя путями, которые у пифагорейцев изображались буквой […] и в экзотерической форме соотносились с мифом о Геркулесе на распутье между Добродетелью и Пороком, с двумя вратами — небесными и адскими, которые были связаны с латинской символикой Януса, с двумя циклическими фазами — восходящей и нисходяще,[48] — которые в индуизме относятся к символике Ганеши. Учитывая все это, легко понять истинный смысл таких выражений, как "правые намерения" и "добрая воля" ("Pax hominibus bonae voluntatis"<"Мир людям доброй воли" (лат.)>). Тот, кто хоть мало-мальски знаком с упоминавшимися выше символами, поймет, что Рождество неспроста совпадает с датой зимнего солнцеворота; что же касается всех других — философских или моральных — интерпретаций этих двух выражений со времен стоиков до времени Канта, то они должны быть отброшены как поверхностные.

"Каббала наделяет Шехину духовным двойником, носящим имена, схожие с ее именами и, следовательно, обладающим тем же характером",[49] — пишет г-н Вюйо. Этот двойник, известный под именем Метатрон, наделен теми же различными аспектами, что и сама Шохина; его имя нумерически эквивалентно имени Шаддаи[50] ("Всемогущему"), т. е. тому Богу, который стал Богом Авраама. Этимология слова Метатрон весьма проблематична; среди различных гипотез, высказанных на этот счет, самой интересной является та, которая производит его от иранского слова Митра, обозначающего «дождь», но имеющего также некоторое отношение к «свету». Даже если это и так, не стоит думать, будто сходство между одноименными божествами индусов и зороастрийцев объясняет заимствование у них этого термина иудаизмом, ибо связи между различными традициями осуществляются отнюдь не столь поверхностным образом; то же самое можно сказать и о роли, приписываемой дождю почти

во всех традициях как символу нисхождения "духовных влияний" с Неба на Землю. В этой связи укажем, что иудаистское учение говорит о "светоносной росе", выступающей на "Древе „жизни", с помощью которой должно свершиться воскрешение мертвых, что странным образом напоминает алхимическую и розенкрейцерскую символику.

"Термин Метатрон, — пишет г-н Вюйо, — включает в себя значения стража, господина, посланника, посредника"; он — "причина богоявления в чувственном мире",[51] "Ангел Лика", а также "Князь Мира" (Сар-на-олам), — из этого имени видно, что мы нисколько не уклонились от нашего сюжета. Прибегая к традиционной символике, которую мы объяснили выше, можно сказать, что Метатрон — это "Небесный полюс", подобно тому, как вождь иерархии посвященных — это "Полюс земной", являющийся его отражением и связанный с ним "Осью мира". "Имя его — Микаэль, Первосвященник, жертва и приношение перед Богом. Все, что свершают израильтяне на земле, соответствует прообразам, существующим в мире небесном. Великий Понтифик дольнего мира символизирует Микаэля, князя Милосердия. Во всех местах Писания, где упоминается Микаэль, идет речь о славе Шехины".[52] Сказанное здесь об израильтянах равным образом приложимо ко всем остальным народам, обладающим подлинно ортодоксальной традицией; в еще большей степени эти слова относятся к представителям первозданной традиции, из которой проистекают и которой подчиняются все остальные, и все это состоит в связи с символикой "Святой Земли", отражением "Небесного мира", о котором мы только что упомянули". С другой стороны, исходя из всего вышеизложенного, Метатрон наделен не только аспектом Милосердия, но и аспектом Справедливости; он не только "Великий Священник" (Кохен ха-гадол), но и "Великий Князь" (Сар ха-гадол), и "вождь небесных ратей", т. е. в нем олицетворены как принцип царской власти, так и основа жреческого или понтификального могущества, которой соответствует и его функция «посредника». К тому же следует заметить, что «Мелек» ("царь") и «Малеак» ("ангел" или "посланник") — это всего лишь разные огласовки одного и того же слова; более того, Малаки ("мой посланник", т. е. посланник Бога, или "ангел, в коем пребывает Бог","Малеак ха-элохим") — это анаграмма имени Микаэль.[53]

Следует добавить, что если Микаэль, как мы только что видели, идентифицируется с Метатроном, он, тем не менее, представляет только один его аспект — светоносный; что же касается другого, темного, то он представлен Самаэлем, которого именуют еще Сар Хаолам. Именно этот

аспект, и только он один, олицетворяет собой "духа мира сего" в низшем смысле, тот "Princip hujus mundi", о котором говорит Евангелие; его соотношения с Метатроном, как бы тенью которого он является, оправдывают употребление одного и того же термина в двойственном смысле, а. также помогают понять, почему апокалиптическое число 666, "число Зверя", считается также "солнечным числом".[54] Более того: согласно св. Ипполиту, "как Мессия, так и Антихрист имеют своей эмблемой льва",[55] который является солнечным символом; сходное наблюдение может быть отнесено к змее[56] и множеству других символов. С точки зрения каббалистики, речь идет опять-таки о двух противоположных ликах Метатрона; не собираясь останавливаться здесь на теориях, объясняющих двойственную природу символов, скажем лишь, что смешение их «светоносного» и «темного» характера и составляет «сатанизм»; именно это смешение, невольно или в силу простого невежества (что можно считать извинением, но не оправданием) свершают те, которым мерещится нечто инфернальное в самом имени "Царя Мира".[57]

Глава IV. ТРИ ВЫСШИХ ЧИНА

Согласно Сент-Иву, высший владыка Агартхи носит титул Брахатмы (правильнее было бы писать "Брахматма"), "Опоры душ в Духе Божием"; два его соправителя именуются Махатмой, "Олицетворением вселенской души", и Махангой, "Символом материального устроения Космоса";[58] такое иерархическое деление в западных учениях соответствует тройственности: "дух, душа, тело" по аналогии между макрокосмосом и микрокосмосом. Следует заметить, что эти термины в санскрите прилагаются, в основном, к принципам и могут служить обозначением человеческих личностей лишь в той мере, в какой они служат олицетворением соответствующих принципов, так что, даже в данном случае, эти принципы соотносятся скорее с функциями, чем с личностями. Согласно Оссендовскому, Махатме "ведомы цели грядущего", Маханга" повелевает причинами событий", что же касается Брахатмы, то он может "вести беседы с Богом лицом к лицу";[59] легко понять, что это значит, если вспомнить, что Брахатма занимает центральное положение, в котором осуществляется прямая связь земного мира с высшими состояниями и через них с высшими Принципами.[60] Впрочем, рассматривать выражение "Царь Мира" в узком смысле и единственно по отношению к земному миру было бы слишком неадекватно; с некоторых точек зрения было бы точнее именовать Брахатму "Владыкой трех миров",[61] ибо во всякой подлинной иерархии тот, кто занимает наивысший чин, тем самым имеет право и на все низшие звания, а эти три мира ("Трибхувана" в индийской традиции) как раз и являются, как мы объясним чуть ниже, теми областями, которые соответствуют трем чинам, которые мы собираемся перечислить.

"Покидая храм, — пишет Оссендовский, — Царь Мира излучает дивный свет". Еврейская Библия говорит то же самое о Моисее, сходящем с Синая;[62] по поводу этого соответствия следует заметить, что исламская традиция рассматривает Моисея как некий «Полюс» (Эль-Кутб) своей эпохи; не потому ли Кабала утверждает, что он был вдохновлен самим Метатроном? К тому же, здесь следует провести различие между основным духовным центром нашего мира и вторичными центрами, специально приспособленными к нуждам определенных эпох и народов. Не задерживаясь далее на этом вопросе, заметим лишь, что должность «законодателя» ("Расул" по-арабски), принадлежащая Моисею, обязательно

предполагает преемственность власти, обозначаемую именем Ману, и что, с другой стороны, одно из значений этого имени указывает на отражение божественного света.

"Царь Мира, — сказал Оссендовскому некий лама, — постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества. <…> Он узнает все их помыслы. Если те угодны Богу, Царь Мира тайно поможет их осуществлению, если нет — помешает. Эту власть дает Агарти тайное знание — «Ом», с этого начинаются наши молитвы". Далее следует фраза, которая способна поставить в тупик всех тех, кто имеет лишь смутные представления о священной моносиллабе «Ом»: "Ом" — это имя первого гуру — святого, жившего триста тридцать тысяч лет назад тому". Эта фаза и впрямь может показаться абсолютно бессмысленной, если не подумать вот о чем: эпоха, о которой идет речь, да к тому же обозначаемая столь смутным образом, явно предшествует эре теперешнего Ману нашей Кальпы {Вайвасвата — ее седьмой Ману), прозванного Свайямбхувой, т. е. порождением Свайямбху, " Того, кто существует сам по себе", или вечного Логоса; Логос же, или тот, кто его непосредственно воплощает, по праву может зваться первым Гуру или "Духовным наставником"; таким образам. Ом — это в действительности одно из наименований Логоса.[63]

С другой стороны, слово Ом служит непосредственным объяснением иерархического распределения чинов между Брахатмой и обоими его соправителями. В самом деле, согласно индусской традиции, три элемента этой священной моносиллабы символизируют соответственно "три мира", на которые мы только что намекнули, то есть три составные части Трибхуваны; это земля (Бху), Воздуш-ное пространство (Бхувас) и Небо (Свар); иными словами, это мир телесного проявления, мир тонкой манифестации и непроявленный мир духовных начал.[64] Это и есть рассматриваемые в восходящем порядке области, подчиненные Маханге, Махатме и Брахатме, что вполне соответствует интерпретации их титулов, приведенной выше; соподчинительные связи, существующие между этими различными областями, оправдывают, в частности, тот факт, что Брахатма именуется "Владыкой трех миров":[65] "Это всеобщий владыка, это всезнающий (непосредственно видящий все следствия в их причине) внутренний устроитель (покоящийся в центре мира и управляющий изнутри его движением, не принимая в нем участие), это источник (всякой законной власти), начало и конец всех существ (их циклического проявления, чей закон воплощается в нем)".[66] Обращаясь к другой, не менее точной символике, скажем, что Маханга представляет собой

основание инициатического треугольника, вершиной которого является Брахатма; что же касается Махатмы, то он выполняет роль посредника между двумя силами, роль космической жизненной силы, Anima Mundi герметистов, чья деятельность осуществляется в "промежуточном пространстве"; все это с предельной ясностью изображается соответствующими знаками того священного алфавита, который Сент-Ив именует «ваттаном», а Оссендовский — «ваттананом», или теми геометрическими формами (прямая линия, спираль и точка), к которым, в сущности, сводятся три мантры или составные элементы моносиллабы Ом.

Попробуем объяснить еще определенней: Брахатме принадлежит вся полнота как жреческой, так и царской власти во всей ее первозданной нерасчлененности; затем эти два вида власти обособляются одна от другой, и тогда Махатма предстоит перед нами воплощением жреческого могущества, а Маханга — царского достоинства. В земном мире этому разделению соответствуют касты брахманов и. кшатриев, однако, будучи "вне каст", Махатма и Маханга, как таковые, совмещают в себе и жреческий, и царский характер. Здесь, пожалуй, стоит уточнить один пункт, который, как нам кажется, никогда еще не был должным образом объяснен: выше мы уже упоминали евангельских "царей-волхвов, как бы объединяющих в себе эти два вида власти; добавим теперь, что эти загадочные персонажи являются на самом деле не чем иным, как тремя владыками Агартхи.[67] Маханга подносит Христу золото и величает его «Царем»; Махатма одаривает его благовониями и приветствует как «Жреца», и, наконец, Брахатма подносит ему смирну (бальзам нетления, разновидность амриты[68]), именуя «Пророком» или "Духовным учителем". Знаки почтения, оказываемые таким образом младенцу-Христу во всех трех мирах тремя полномочными представителями первозданной традиции, являются в то же время, как нетрудно заметить, залогом полного соответствия христианства с этой традицией.

Оссендовский, естественно, не мог принимать в расчет такого рода рассуждений, но если бы он попытался чуть глубже осмыслить суть описываемых им вещей, от него, по меньшей мере, не ускользнула бы аналогия между высшим тернером Агартхи и соответствующей триадой ламаизма в том виде, в каком он сам ее описывает: это Далай-Лама, воплощающий в себе святость (или чистую духовность) Будды; Таши-Лама, реализующий его знания (не «магические», как это принято считать, а, скорее, "теургические"), и Богдо-Хан, представляющий его материальную воинскую силу; разделение функций этой триады находится,

как мы видим, в точном соответствии со схемой "трех миров". Оссендовский вполне мог провести эту параллель, поскольку ему было указано, что "столица Агарти чем-то напоминает Лхассу, где Потала, дворец Далай-Ламы, стоит на горе, застроенной монастырями и храмами"; впрочем, подобная манера выражения ошибочна, ибо элементы сравнения в ней переставлены: в действительности Потала является отражением своего прообраза, столицы Агартхи, а не наоборот. Центр ламаизма может служить всего лишь напоминанием о подлинном "Центре Мира", однако все центры такого рода, независимо от их местоположения, не только обладают общими топографическими особенностями, имеющими несомненную символическую ценность, но и подчиняются законам, согласно которым действуют "духовные влияния", — этот вопрос находится в ведении той отрасли традиционной науки, которую можно назвать "священной географией". Можно упомянуть и еще одно, не Менее важное соответствие: описывая различные степени или круги инициатической иерархии, находящиеся в связи с некоторыми символическими числами, в частности, с теми, которые служат для измерения времени, Сент-Ив говорит, что "самый возвышенный и самый близкий к таинственному центру круг состоит из двенадцати членов, символизирующих собой высшее посвящение и соответствующих, между прочим, зодиакальному поясу". Именно этот круг воспроизводится так называемым "окружным светом" Далай-Ламы, состоящим из двенадцати великих Нашманов (или Ном-ханов), а отголоски этого понятия встречаются и в некоторых западных традициях, — достаточно вспомнить о "Рыцарях Круглого Стола". Добавим еще, что двенадцать членов внутреннего круга Агартхи, с точки зрения космического порядка, представляют собой не только двенадцать знаков зодиака, но и (хотелось бы сказать — "главным образом", хотя обе эти интерпретации не исключают одна другой) двенадцать Адитьев, т. е. форм Солнца, соотносящихся с этими зодиакальными знаками,[69] и это вполне естественно, поскольку Ману Вайвасвата называется "сыном Солнца", "Царем Мира", и одной из его эмблем является солнце.[70]

Непосредственный вывод из всего вышеизложенного заключается в том, что существуют необычайно тесные связи между описаниями более или менее сокровенных, более или менее труднодостижимых духовных центров, сделанными в самых разных странах. Единственное правдоподобное объяснение этого факта таково: если эти описания и впрямь относятся к различным центрам, то те могут быть лишь

отражением единого и высшего центра, подобно тому, как все обособленные традиционные формы являются, в общем, только видоизменениями великой первозданной Традиции.

Глава V. СИМВОЛИКА ГРААЛЯ

Мы только что вскользь упомянули о рыцарях Круглого Стола; будет, пожалуй, нелишним сказать здесь несколько слов о сущности "поисков Грааля", которыми, согласно легендам кельтского происхождения, занимались эти рыцари. Во всех традициях содержатся намеки на ту или иную вещь, которая в известное время была потеряна или сокрыта: это, например, индусская сома или авестийская хаома, "напиток бессмертия", находящийся в прямом соотношении с Граалем, поскольку тот, как известно, является священной чашей, содержащей в себе кровь Христову, т. е. тот же самый "напиток бессмертия". Символика утраты неоднозначна: у евреев, например, утерянным считается не какая-либо вещь, а произношение великого Имени Господня,[71] но основная идея сохраняется повсюду и далее мы увидим, чему она в точности соответствует.

Святой Грааль — это, как известно, чаша, служившая во время Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собирал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Христа, нанесенной копьем центуриона Лонгина.[72] Согласно легенде, чаша эта была впоследствии перенесена в Британию самим Иосифом и Никодимом;[73] в этом следует видеть намек на связь, которая установилась между кельтской традицией и христианством. Чаша играет весьма важную роль в большинстве древних традиций, в том числе и у кельтов; примечательно, что она зачастую соотносится с копьем, и тогда оба эти символа в некоторой степени дополняют друг друга; но рассмотрение этих соответствий отвлекло бы нас от основной темы.[74]

Быть может, наиболее отчетливо сущность символики Грааля раскрывается в легендах о его происхождении: говорят, что чаша эта была выточена ангелами из огромного изумруда, украшавшего чело Люцифера и утраченного им во время падения.[75] Этот изумруд явно напоминает урну, фронтальную жемчужину, которая в индусской (а затем и буддийской) символике выполняет роль третьего глаза, олицетворяя собою то, что можно назвать "чувством вечности".[76] Далее говорится, что Грааль был вверен Адаму в земном Раю, но после грехопадения праотец человечества, в свою очередь, утратил это сокровище, будучи не в состоянии взять его с собой во время изгнания из Эдема; смысл этого эпизода представляется достаточно ясным в свете нижеследующих рассуждений. В самом деле,

человек, изгнанный из своего первозданного духовного центра, обречен с тех пор на пребывание во временной сфере; он не в состоянии попасть в то единственное место, откуда все сущее воспринимается с точки зрения вечности. Иными словами, обладание "чувством вечности" связано с тем, что все традиции именуют, как говорилось выше, "первозданным состоянием", обретение которого является целью первой стадии истинного посвящения и предварительным условием реального достижения "сверхчеловеческих"[77] состояний. Земной рай — это, собственно говоря, прообраз "Центра Мира"; ниже нам еще предстоит обратиться к истолкованию первоначального смысла слова «Парадиз», чтобы как следует уяснить суть этого сопоставления.

Куда более загадочно другое: как известно, третий сын Адама, Сиф, был допущен в Земной рай и сумел вынести оттуда священный сосуд; само его имя выражает идеи основательности и стабильности и, следовательно, содержит в себе намек на восстановление первозданного порядка, нарушенного грехопадением Адама.[78] Позволительно думать, что Сиф и все те, кто после него владел Грааль, сумели основать некий духовный центр, служащий заменой потерянного рая и являющийся его подобием; в таком случае обладание Граалем равнозначно сохранению первозданной традиции в этом духовном центре. Легенда не уточняет, где и кем был храним Грааль до времени Христа, но ее кельтское происхождение позволяет догадываться, что здесь не обошлось без друидов, которые смогли войти в число верных хранителей первозданной традиции.

Утеря Грааля или какого-либо из его символических эквивалентов — это, в сущности, утрата традиции вкупе со всем, что она в себе заключает, хотя, по правде сказать, традиция чаще всего не утрачивается, а только затмевается; утратить ее могут лишь некоторые второстепенные центры, лишившиеся непосредственной связи с высшим центром. Что же касается этого высшего центра, то он вечно хранит сокровищницу традиции во всей ее полноте, будучи вне зависимости от любых перемен внешнего мира; так, согласно мнению многих отцов Церкви и, в частности, св. Августина, воды потопа не смогли достичь "обители Еноха и Земли Святых",[79] чья вершина "касается лунной орбиты", т. е. возносится за пределы изменчивого, «подлунного» мира в те пределы, где Земля сходится с Небесами".[80] Но, подобно тому, как земной Рай сделался недостижимым, высший центр, т. е. полная его аналогия, тоже может в течение какого-то времени никак не проявляться внешне и тогда позволительно говорить о том, что Традиция утеряна для всего человечества, ибо она сохраняется

лишь в некоторых строго замкнутых центрах и большинство людей уже не соприкасается с нею сознательным и деятельным образом, как то имело место в первозданном состоянии;[81] именно таковы условия теперешней эпохи, чье начало, кстати говоря, восходит к временам, недоступным для обычной, «мирской» исторической науки. Стало быть, утрата традиции может рассматриваться как в прямом смысле, так и в смысле помрачения духовного центра, который более или менее незримо определял судьбы отдельного народа или определенной цивилизации; соответственно этому, сталкиваясь с символикой подобного рода, мы должны всякий раз определять, каким образом она может быть интерпретирована.

В свете того что мы только что сказали, символика Грааля представляется сочетанием двух тесно связанных друг с другом понятий; только тот, кто полностью обладает первозданной традицией, кто достиг той степени действенного познания, которая включает в себя это обладание, обретает тем самым всю полноту "первозданного состояния". Оба эти понятия — "первозданное состояние" и "первозданная традиция" — соотносятся с двойным смыслом слова «Грааль», ибо в силу словесных созвучий, играющих в символике роль немаловажную, а подчас и более глубокую, чем нам кажется, Грааль является одновременно сосудом (grasale) и книгой (gradale или graduale); этот последний аспект указывает непосредственно на традицию, тогда как первый касается состояния как такового.[82]

Мы не собираемся здесь ни вдаваться во второстепенные подробности легенды о святом Граале, хотя и они имеют известное символическое значение, ни пересказывать историю рыцарей Круглого Стола и их подвигов; напомним только, что "Круглый Стол", сооруженный королем Артуром[83] по замыслу Мерлина, предназначался именно для Грааля, если кто-то из рыцарей сумеет его отыскать и перенести из Британии в Арморику. Этот стол — еще один древнейший символ, один из тех, что всегда ассоциируется с идеей духовных центров, вместилищ традиции; его круглая форма непосредственно связана с зодиакальным циклом благодаря присутствию за столом двенадцати главных персонажей[84] легенды, — особенность, которая, как мы уже видели, встречается во всех описаниях такого рода центров.

Есть и еще один символ, связанный с другим аспектом легенды о Граале и заслуживающий особенно пристального внимания: это Монсальват (буквально "Гора Спасения"), вершина, расположенная "на дальних рубежах, к коим не приближался ни один смертный", скала,

вздымающаяся из моря в недосягаемых областях, за которыми поднимается Солнце. Это одновременно и "Священный остров" и "Полярная гора", два равнозначных символа, о которых нам еще предстоит вести речь в данном исследовании; это "Земля бессмертия", которая, естественно, отождествляется с земным Раем.[85]

Возвращаясь к самому Граалю, напомним, что его основное значение ничем не отличается от того, которым наделен любой священный сосуд, где бы он ни встречался, и что на Востоке, например, жертвенная чаша содержала первначально, как уже указывалось выше, ведическую сому или авестийскую хаому, т. е. "напиток бессмертия", дарующий "чувство вечности" тем, кто вкушает его с должным благоговением.

Рамки нашей работы не позволяют более подробно остановиться на символике этой чаши и ее содержимого — для должного развития этой темы потребовалось бы целое специальное исследование; однако только что сделанное нами замечание о соме может стать поводом для соображений, крайне важных для настоящего труда.

Глава VI. "МЕЛКИ-ЦЕДЕК"

Восточные традиции гласят, что в некоторые эпохи сома становится недосягаемой, так что во время жертвенных обрядов ее приходится заменять другим напитком, являющимся лишь намеком на первозданную сому;[86] эту роль чаще всего исполняло вино, которому греки посвятили большую часть своих сказаний о Дионисе.[87] Вино нередко служит символом подлинной инициатической традиции: в еврейском языке слова яин (вино) и сод (тайна, мистерия) являются взаимозаменяющими, поскольку имеют одно и то же числовое значение;[88] у суфиев вино символизирует эзотерическое знание, учение, предназначенное для избранных и недоступное первому встречному, подобно тому, как вино не каждый может пить безнаказанно. Отсюда следует, что употребление вина во время обряда придают ему отчетливый инициатический характер; именно таково «евхаристическое» жертвоприношение Мельхиседека,[89] на котором нам необходимо теперь остановиться.

"Мельхиседек" или, точнее, "Мелки-Цедек", — это имя того персонажа, который выполняет функцию "Царя Мира" в иудеохристианской традиции. Мы, признаться, не без колебаний решаемся огласить этот факт, объясняющий одно из самых загадочных мест Библии, но опустить его не представлялось возможным, если уж мы взялись досконально разобрать вопрос о "Царе Мира". Нам остается лишь повторить слова ап. Павла, сказанные по сходному поводу: "О сем надлежало бы нам говорить много, но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособными слушать".[90]

Прежде всего следует процитировать тот библейский текст, о котором идет речь: "И Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего {Эль-Элион), — и благословил его (Аврама) [91] и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, который предал врагов твоих в руки твои. И Аврам дал ему десятую часть из всего".[92]

Мелки-Цедек, стало быть, предстает одновременно "царем и жрецом"; имя его означает "Царь Правосудия"; кроме того, он — царь Салема, Салем[93] же, как известно, — это "Град Мира". Таким образом, мы снова сталкиваемся здесь с «Правосудием» и «Миролюбием», двумя основными атрибутами "Царя Мира". Следует заметить, что слово Салем, вопреки распространенному мнению, никогда не служило обозначением реального

города, но если принять его за символическое название обиталища Мелки-Цедека, то оно может считаться эквивалентным термину Агартха. Во всяком случае, было бы ошибкой вычитывать в этом слове древнее название Иерусалима, ибо оно звучало как «Йевус»; этот город стал именоваться Иерусалимом с тех пор, как евреи образовали там свой духовный центр, и он сделался зримым символом подлинного Салема; примечательно также, что Иерусалимский храм был основан не кем иным, как Соломоном, чье имя (Шломон), производное от Салем, означает "Миротворец".

Вспомним теперь, в каких выражениях апостол Павел комментирует слова Мелки-Цедека: "Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога всевышнего, — тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, — во-первых, по знаменованию имени царь Правды, а потом и царь Салима, т. е. царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда".[94]

Мелки-Цедек изображается существом высшим по отношению к Аврааму, поскольку благословляет его ("Без всякого же прекословия меньший благословляется большим"[95]), а Авраам, со своей стороны, признает это старшинство, выделяя Мелки-Цедеку десятину добычи и подчеркивая таким образом свою зависимость. Здесь имеет место описание «инвеституры» почти в феодальном смысле этого слова, с тою лишь разницей, что речь идет об инвеституре духовного порядка; ко всему этому можно еще добавить, что именно здесь находится точка соприкосновения традиции еврейства с великой первозданной традицией. «Благословение», о котором идет речь, есть не что иное, как передача Аврааму некоего "духовного влияния", которым впредь будут определяться все его поступки; употребленная в библейском тексте формула указывает на то, что Авраам обретает непосредственную связь с "Богом Всевышним", которого он впоследствии во время молитв отождествляет с Иеговой.[96] Насколько Мелки-Цедек выше Авраама, настолько Бог Мелки-Цедека, «Всевышний» (Эль-Элион), выше «Всемогущего» (Шаддаи), который был Богом Авраама; иными словами, первое из этих имен отражает более высокий аспект божества, нежели второе. С другой стороны, крайне важно то еще никем до сих пор не подмеченное обстоятельство, что Эль-Элион эквивалентен Эммануилу, поскольку оба эти имени имеют одинаковое числовое значение;[97] это позволяет непосредственно связать историю Мелки-

Цедека с историей «царей-волхвов», о которых уже говорилось выше. Более того, если священство Мелки-Цедека — это священство Эммануила, и если Эль-Элион — это и есть Эммануил, то оба эти вида священства составляют единое целое, и христианское священство, включающее в себя евхаристический обряд причастия хлебом и вином, поистине является священством "по чину Мелхиседека".

Иудеохристианская традиция различает два вида священства — "по чину Аарона" и "по чину Мелхиседека", причем второе настолько же выше первого, насколько Мелхиседек выше Авраама, исшедшего из колена Левия и, следовательно, из рода Аарона.[98] Это превосходство отчетливо выражено в нижеследующих словах апостола Павла: "И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину".[99] Не вдаваясь в дальнейшие подробности, относящиеся к значению обоих видов священства, ограничимся еще одним отрывком из апостола Павла: "И здесь (в священстве Левия) десятины берут человеки смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет".[100] Этот "живой человек", Мелки-Цедек, является не кем иным, как Ману, и в самом деле "существующим вечно" (по-еврейски "лолам"), т. е. в течение всего своего цикла (Манвантары), до тех пор пока существует мир, которым он правит. Вот почему он лишен «родословия» — ведь его происхождение «нечеловеческое», поскольку он сам — прообраз человека; он и в самом деле "подобен сынам Божиим", поскольку, согласно провозглашаемому им закону, он служит для этого мира образом и подобием божественного Слова.[101]

Нам остается сделать еще несколько замечаний по данной теме, и прежде всего такое: в истории «царей-волхвов» мы видим трех различных персонажей, являющихся владыками инициатической иерархии, тогда как в истории Мелки-Цедека перед нами предстает всего лишь одно лицо, объединяющее в себе соответствующие аспекты всех трех чинов. Вот почему некоторые кабалисты различали Адони-Цедека, "Владыку Справедливости", который в каком-то смысле раздваивался на Коген-Цедека, "Жреца Правосудия" и Мелки-Цедека, "Царя Правосудия"; эти три аспекта его сущности можно соотнести с функциями Брахатмы, Махатмы и Маханги.[102] И хотя Мелки-Цедек в данном случае оказывается всего-навсего воплощением третьего аспекта, обычно его имя в широком смысле прилагается ко всей их совокупности, а если оно предпочитается всем остальным, то лишь потому, что воплощаемая им функция теснее всего связана с внешним миром, т. е. проявлена более непосредственно. Кроме

того, следует заметить, что такие титулы, как "Царь Мира" и "Царь Справедливости", непосредственно намекают только на царственное достоинство их обладателей; сходные выражения встречаются в Индии, где титул Дхарма-Раджа является буквальным эквивалентом Мелки-Цедека.[103]

Рассматривая имя Мелки-Цедек в его самом прямом смысле, вспомним, что атрибутами "Царя Справедливости" считаются весы и меч; те же самые атрибуты присущи и Михаилу как "Ангелу Суда".[104] В социальном плане эти две эмблемы соответствуют двум функциям — административной и военной, которые являются привилегией кшатриев и представляют из себя два составных элемента царской власти. В иероглифическом смысле они соответствуют двум знакам, передающим семитический корень «Хак», которым выражаются одновременно понятия «Справедливости» и "Истины",[105] а у некоторых народов древности — и понятие царской власти.[106] Хак — это сила, подтверждающая Справедливость, т. е. равновесие, символизируемое весами, тогда как сила изображается в виде меча.[107] К этому и сводится основная роль царской власти, являющейся в духовном плане силой Истины. Следует добавить, что существует вторая, смягченная форма корня Хак, в которой главный упор делается не на материальную, а духовную силу; эта форма служит для обозначения «Мудрости» (по-еврейски Хохма) и, таким образом, более соответствует царской власти, нежели жреческому владычеству. Это подтверждается и тем фактом, что обе соответствующие формы, каждая со своим смыслом, содержатся в корне кан, который в весьма различных языках обозначает также такие понятия, как «сила», "власть" и «знание». Кан — это прежде всего духовная или интеллектуальная власть, аналогичная Мудрости (отсюда еврейское Коген — «мудрец», "жрец", "священник"); в иной огласовке — это власть материальная (откуда-различные слова, выражающие идею «обладания», включая имя Каина).[108] Эти корни вкупе с их производными могли бы послужить темой и для многих других рассуждений, но мы вынуждены ограничиться лишь теми из них; которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

В дополнение к вышесказанному вернемся еще раз к кабалистическим представлениям о Шехине: она пребывает в "нижнем мире" и олицетворяется последним из десяти сефиротов, носящим имя Малкут, т. е. «Царство»; наименование это само по себе заслуживает интереса с той точки зрения, которую мы занимаем, но еще интересней то, что среди синонимов, иногда прилагаемых к слову Малкут, встречается Цедек, т. е. "Праведник".[109] Эта связь между Малкутом и Цедеком, или между

Царской властью и Справедливостью, точнейшим образом отражается в имени Мелки-Цедека. Здесь речь идет о распределяющей и уравновешивающей Справедливости, олицетворяемой "срединным стволом" сефиротического древа; ее следует отличать от Справедливости, противоположной Милосердию и равнозначной тому понятию Строгости, которое отражено в "левом стволе", ибо в данном случае мы имеем дело с двумя различными аспектами этого символа, выражаемыми по-еврейски разными словами: Цедака и Дин. Только первый из этих аспектов, т. е. Справедливость в самом точном и самом полном смысле этого слова, включающего в себя идею равновесия и гармонии, нерасторжимо связан с понятием Мира.

Малкут — это "вместилище вод вышней реки, т. е. всех божественных эманации и благодатных духовных влияний".[110] Эта "вышняя река" и несомые ею воды странным образом напоминают роль, приписываемую небесному потоку Ганге в индусской традиции; кроме того, можно заметить, что Шакти, одним из аспектов которой является Ганга, представляет некоторые аналогии с Шехиной хотя бы в силу присущей им обеим «провиденциальной» сущности. "Вместилище небесных вод" идентично духовному центру нашего мира: из него на все четыре стороны света истекают четыре реки Пардеса. Евреи отождествляли этот духовный центр с холмом Сиона, к которому прилагалось название "Сердце Мира": в каком-то смысле он служил для них эквивалентом индусской горы Меру и почитаемой иранцами горы Алборж:[111] "Это Скиния святости Иеговы, обиталище Шехины, Святая святых храма, расположенного в сердцевине Сиона (Иерусалима), который, в свою очередь знаменует собой средоточие земли израильской, а та является центром всего мира".[112] Можно продолжить это перечисление, расположив его элементы в обратном порядке: Скиния во Храме, Ковчег Завета в Скинии, Шехина (меж двух херувимов) в Ковчеге — все это ступени, приближающие нас к "духовному полюсу" мира.

Нам уже случалось говорить,[113] что именно таким образом — в виде "духовного полюса" — изображен Иерусалим в поэме Данте, но, отклоняясь от чисто иудаистской точки зрения на этот предмет, уже невозможно вести речь о точной его локализации, которая обретает чисто символический характер. Все второстепенные духовные центры, образованные в целях приспособления первозданной традиции к определенным условиям, представляют собой, как мы уже указывали, образы этого высшего центра; Сион в действительности может быть всего

лишь одним из таких вторичных центров, однако в силу данного соответствия он вправе символически отождествлять себя с высшим центром. Иерусалим, как показывает его имя, и впрямь является образом истинного Салема; понимание этого вопроса облегчается как тем, что мы уже сказали, так и тем, что нам еще предстоит сказать о "Святой Земле". Выражение "Земля Живых" обозначает "обитель бессмертия" и, таким образом, может в самом прямом и строгом смысле относиться к земному Раю или его символическим эквивалентам; но то же самое название вполне приложимо и к вторичным "Святым Землям", в частности, к земле Израиля. В текстах Кабалы говорится, что "Земля Живых" включает в себя семь областей, исходя из чего г-н Вюйар заключает, что "земля эта — не что иное, как Ханаан, где обитало семь народов".[114] Это, разумеется, верно в буквальном смысле, но символически эти области, как и их исламские аналоги, вполне могут соответствовать семи «двипа», расположенным, согласно индусской традиции, вокруг священной горы Меру. Точно так же обстоит дело с древними мирами или творениями, предшествовавшими нашему, которые олицетворяются "семью царями Едома" (число семь напоминает о семи «днях» творения); поразительные соответствия такого рода просто не могут быть случайными — вспомним хотя бы о семи Ману, сменявших друг друга от начала кальпы до современной эпохи.[115]

Глава VII. «ЛУЗ» ИЛИ ОБИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

Традиции, связанные с "подземным миром", встречаются у многих народов; мы не намереваемся рассматривать их целиком, тем более, что некоторые из них не имеют прямого отношения к нашей теме, однако можно заметить, что культ пещер всегда более или менее тесно связан с понятием «внутреннего» или «срединного» пространства и что с этой точки зрения символика пещеры и символика сердца имеют между собой немало общего.[116] Вполне допустимо, что в Центральной Азии, в Америке, а возможно и где-нибудь еще, существуют вполне реальные пещеры и подземелья, в которых из века в век действуют инициатические центры; однако для нас интересны не сами эти факты, а их символическая подоплека. Позволительно даже думать, что именно причины символического порядка, а не простое стремление к скрытности, обусловили выбор подземелий в качестве местопребывания духовных центров. Сент-Ив, возможно, и мог бы прояснить данную символику, но не сделал этого, отчего некоторые места его книги принимают прямо-таки фантасмагорический оттенок; что же касается г-на Оссендовского, то он оказался явно не способен возвыситься над буквальным смыслом того, что ему рассказывали.

Среди традиций, на которые мы только что намекнули, особый интерес представляет та, что касается таинственного города Луз.[117] Первоначально это слово служило наименованием местности, где Иаков видел свой вещий сон, после чего нарек ее Вефилем, т. е. "Домом Божиим".[118] Кабалистические источники гласят, что "Ангел смерти" не в силах проникнуть в этот город и не имеет над ним никакой власти; по странному, но весьма замечательному совпадению некоторые из этих источников утверждают, что Луз расположен рядом с горой Алборж, которая у древних иранцев считалась "обителью бессмертия".

У стен Луза, говорится далее, произрастает миндальное дерево (по-еврейски также называемое луз), средь корней которого скрыт подземный ход,[119] ведущий в город, куда не существует иного доступа. Слово луз во всех своих значениях происходит от корня, обозначающего нечто потаенное, скрытое, огражденное, молчаливое, тайное; интересно заметить, что слова, обозначающие в некоторых языках Небо, имели

первоначально тот же смысл. Латинское слово coelum обычно сближают с греческим koilon ("полный"), которое также может иметь связь с пещерой, тем более, что Варрон подчеркивает эту связь в выражении a cavo coelum, но следует заметить, что самая древняя и самая, быть может, точная форма этого слова — caelum, весьма близка к глаголу caelare, «прятать», "скрывать". С другой стороны, имя санскритского божества Варуны происходит от корня «вар», "покрывать" (то же значение имеет корень kal, с которым связан латинский глагол celare, в иной огласовке — caelare и его греческий синоним kalupteih;[120] греческий Уранос — не что иное, как Варуна, поскольку частица уаг легко переходит в ur. Эти слова, стало быть, могут служить обозначением для того, что "покрывает"[121] "прячет",[122] но также и для того, что «сокрыто», причем этот последний смысл двойствен: он прилагается и к сокровенному, сверхчувственному миру, и к тем периодам сокрытия или помрачения традиции, когда она перестает проявляться внешним образом, и "небесный мир" становится тогда "подземным миром".

Можно установить и иные точки соприкосновения города Луз с Небом: Луз называется "голубым городом", а этот цвет, цвет сапфира,[123] является также небесным цветом. В Индии говорится, что голубизна небосвода — это отражение южной грани горы Меру, которая обращена в сторону Джамбу-двипы и состоит из сапфира; легко понять, что речь здесь идет о той же самой цветовой символике. Джамбу-двипа — это не только Индия, как обычно считается, но и вся совокупность земного мира в его современном состоянии; этот мир и в самом деле можно считать расположенным к югу от горы Меру, поскольку сама она идентифицируется с северным полюсом.[124] Семь двипа (слово это буквально значит «остров» или "материк") последовательно возникают в течение определенных циклических периодов, так что каждый из них является земным миром соответствующего периода; их совокупность образует подобие лотоса, сердцевиной которого служит Меру; каждый из этих «лепестков» ориентирован на одну из семи стран света.[125] Семь граней горы Меру, обращенные ко всем семи двипа, расцвечены соответствующими цветами радуги,[126] синтез их дает белый цвет, повсюду символизирующий верховную духовную власть;[127] белизна и является цветом самой Меру (впоследствии мы увидим, что она известна под названием "Белая гора"), тогда как все остальные цвета представляют собой только его аспекты по отношению к различным двипа. Может показаться, что периоду манифестации каждой двипа соответствует

различное положение горы Меру, на самом же деле она неколебима, меняется лишь ориентация земного мира по отношению к ней в зависимости от того или иного периода.

Но вернемся к европейскому слову луз, внимательней рассмотрев различные его значения. В самом распространенном смысле оно значит "миндальная косточка" (а также "миндальное дерево"), или «ядрышко»; а ведь ядро — это по сути своей нечто внутреннее и потаенное, полностью скрытое, откуда недалеко до идеи «недосягаемости», "неуязвимости",[128] которая присутствует и в имени Агартхи. Тем же словом луз обозначается некая неразрушимая телесная частица символически представляемая в виде очень твердой косточки, в которой пребывает душа после смерти до самого воскрешения. Как ядрышко содержит в себе семя, а кость — костный мозг, так частица луз служит вместилищем потенциальных элементов, необходимых для воскрешения человеческого существа; воскрешение это свершается под воздействием "небесной росы", возвращающей к жизни иссохшие кости, на что ясно указывают слова апостола Павла: "Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничтожении, восстает в славе".[129] Здесь, как и всегда, «слава» соотносится с Шехиной, т. е. с отсветом высшего мира, к которому, как мы видели выше, "небесная роса" имеет самое непосредственное отношение. Будучи нетленным,[130] Луз в человеческом существе играет роль "ядрышка бессмертия", подобно тому, как местность, обозначаемая тем же словом, является "обителью бессмертия": и там, и здесь пресекается власть "Ангела смерти". Луз — это в некотором роде зародыш бессмертного существа,[131] его можно сравнить с куколкой, откуда появляется бабочка,[132] причем сравнение это точнейшим образом передает роль частицы луз при воскрешении.

Считается, что луз расположен в нижней части позвоночного столба; такая локализация могла бы показаться довольно странной, если бы вопрос не прояснился параллелью с некой силой, которая в индусской традиции называется кундалини[133] и соответствует той форме шакти, которая имманентна человеческому существу.[134] Кундалини — это внутренная энергия, изображаемая в виде змеи, свернувшейся клубком в том месте «тонкой» человеческой телесности, которое соответствует нижней части позвоночника; по крайней мере, так обстоит дело с обычными людьми. В ходе занятий хатха-йогой или иными дисциплинами подобного рода, это змея пробуждается, расправляет свои кольца и ползет вверх сквозь систему «колес» (чакра) или «лотосов» {комола), сопоставимых с различнычи

нервными сплетениями, стремясь достичь области "третьего глаза", т. е. фронтального ока Шивы. Эта стадия соответствует возврату в "первозданное состояние", когда человек вновь обретает "чувство вечности", и тем самым достигает "потенциального бессмертия". Вплоть до этой фазы мы все еще пребываем в человеческом состоянии, но когда кундалини окончательно достигает венца головы,[135] можно уже говорить о подлинном переходе к высшим состояниям бытия. Подчеркнем напоследок, что локализациия частицы луз в нижней части организма соответствует состоянию отдельного "падшего человека", тогда как для всей совокупности земного человечества она равнозначна перемещению высшего духовного центра в "подземный мир".[136]

Глава VIII. ВЫСШИЙ ЦЕНТР, СОКРЫТЫЙ В ПЕРИОД "КАЛИ-ЮГИ"

Известно, что Агартха не всегда была и не вечно будет подземным центром; придет время, когда, по словам г-на Оссендовского, "народы Агартхи выйдут на поверхность земли из своих пещер".[137] Перед тем, как скрыться из видимого мира, этот центр назывался по-иному, ибо в ту пору ему не подходило название Агартха, что значит «недосягаемая» или «неуязвимая». Г-н Оссендовский уточняет, что Агартха стала незримой более шести тысяч лет назад; именно этой дате приблизительно соответствует начало Кали-юги или "черной эпохи", "железного века", последнего из четырех периодов, на которые разделяется Манвантара;[138] повторное появление Агартхи должно совпасть с концом этого периода.

Выше мы говорили о встречающихся в каждой традиции намеках на нечто утерянное или сокровенное, передаваемое лишь посредством различных символов; в более общем смысле, касающемся совокупности всего земного человечества, эти намеки относятся прежде всего к условиям Кали-Юги. Переживаемый нами период — это период помрачения и смятения;[139] покуда присущие ему обстоятельства не изменятся, инициатические знания по необходимости останутся скрытыми, чем и объясняется характер «мистерий» так называемой «исторической» античности (не восходящей даже к началу данного периода)[140] и тайных организаций разных народов, организаций, обеспечивающих эффективное посвящение там, где еще сохраняется подлинная инициатическая доктрина, но способных осуществить разве что намек на такое посвящение, когда дух этой доктрины перестает животворить символы, служащие ее высшим выражением. Причина этого в том, что данные организации порвали всякую сознательную связь с духовным центром мира, утратив тем самым традицию, приспособленную для того или иного вторичного центра.

Стало быть, как уже отмечалось выше, здесь уместно говорить не о чем-то безвозвратно потерянном, а лишь о сокрытом и потаенном, ибо вовсе не потеряно для большинства то, что во всей полноте еще хранится немногими, а коль скоро это так, большинство не лишилось возможности обретения утраченного, стоит ему только взяться за поиски, направив свою интенцию на создание такого гармонического настроя, который, в силу закона "действия и противодействия",[141] поможет восстановить

эффективную связь с высшим духовным центром.[142] В каждой из традиционных форм эта направленность интенции имеет свое символическое выражение; сюда относится, в частности, ритуальная ориентация, совпадающая с направлением в сторону духовного центра, который в любом случае рассматривается как образ подлинного "Центра Мира".[143] По мере углубления в Кали-югу связь с этим центром, скрытым и потаенным, становится все более трудной, а вторичные центры, служапще его внешним отражением, встречаются все реже и реже, и, однако, с окончанием этого периода традиция должна будет вновь проявиться во всей полноте, поскольку начало каждой Манвантары, совпадающее с концом предыдущей, непреложно включает в себя возврат земного человечества к "первозданному состоянию".[144]

В теперешней Европе не существует никаких регулярных организаций, поддерживающих сознательную связь с этим духовным центром; такое положение длится уже много веков, хотя надо сказать, что разрыв не был внезапным, а растянулся на несколько последовательных фаз,[145] первая из которых восходит к XIV в. В свое время нам уже приходилось говорить о роли, которую играли рыцарские ордена, осуществлявшие связь между Востоком и Западом, связь тем более многозначительную, что центр, о котором идет речь, по крайней мере в историческую эпоху, считался расположенным где-то на Востоке. После уничтожения Ордена Храмовников эту связь, хотя и не столь явным образом, продолжало осуществлять то общество, которое впоследствии стало известно под именем Розенкрейцеров. Ренессанс и Реформация стали еще одной критической фазой этого процесса, и наконец, как верно указывает Сент-Ив, полный разрыв совпал с Вестфальским договором 1648 г., положившим конец Тридцатилетней войне. Многие авторы утверждают, что вскоре после окончания этой войны истинные Розенкрейцеры покинули Европу и переселились в Азию; напомним, кстати, что число, их Адептов равнялось двенадцати, т. е. соответствовало числу членов внутреннего круга Агартхи, да и любого духовного учреждения, образованного наподобие этого высшего центра.

Начиная с того времени сокровищница подлинных инициатических знаний перестала быть достоянием Запада; отныне Сведенборг мог с полным правом утверждать, что "Потерянное слово" надлежит искать у мудрецов Татарии и Тибета, в тех таинственных областях, где располагается "Гора пророков" из видений Анны-Катерины Эммерих. Остается добавить, что те фрагментарные сведения на сей счет, которые

удалось собрать г-же Блаватской, не понимавшей, впрочем, их истинного значения, породили в ее голове идею "Великой Белой Ложи", которую можно считать всего лишь карикатурой и жалкой пародией на образ Агартхи.[146]

Глава IX. «ОМФАЛОС» И БЕТИЛЫ

Согласно свидетельству Оссендовского, в былые времена "Царь Мира" неоднократно являлся в Индии и Сиаме, благословляя народ золотым яблоком, которое было увенчано агнцем;[147] эта деталь обретает особое значение, если сопоставить ее с тем, что говорит Сент-Ив относительно "Цикла Агнца или Тельца".[148] С другой стороны, и это не менее примечательно, в христианской символике встречаются бесчисленные изображения Агнца, стоящего на горе, с которой текут четыре потока, заведомо идентичных четырем рекам земного рая. Выше мы говорили, что до начала Капи-юги Агартха именовалась по-иному; она носила название Парадеша, по-санскритски означающее "горнее место", что вполне приложимо к любому духовному центру или "Сердцу Мира"; у халдеев это слово превращалось в Пардес, а у европейских народов — в Парадиз. Таков первоначальный смысл последнего слова, которое во всех своих огласовках аналогично Пардесу еврейской Кабалы.

Если же мы еще раз обратимся к символике «Полюса», то увидим, что гора земного Рая идентична "полярной горе", которая под различными наименованиями известна почти во всех традициях: мы уже упоминали индусскую Меру, персидский Алборж, Монсальват из европейских легенд о Граале', назовем, кроме того, арабскую гору Каф[149] и даже греческий Олимп, который со многих точек зрения имеет то же значение. Во всех этих случаях имеется в виду область, которая, подобно земному Раю, стала недоступной для обычного человечества, и которой не страшны никакие катастрофы, потрясающие мир в конце определенных циклических периодов. Эту область поистине можно считать "горним местом"; к тому же, согласно некоторым ведическим и авестийским текстам, первоначально ее местоположение и впрямь было полярным в буквальном смысле слова, и какие бы изменения ни претерпела ее локализация в течение различных фаз истории земного человечества, в символическом смысле она всегда остается полярной, поскольку представляет собой не что иное, как недвижную ось, вокруг которой свершается круговращение вещей.

Гора служила естественным символом "Центра Мира" до начала Кали-юги, т. е. существовала в некотором роде открыто и еще не была подземной; таково ее "нормальное состояние" до наступления "темного периода", чьи особые обстоятельства влекут за собой ниспровержение установленного порядка. Следует, впрочем, заметить, что вне зависимости

от этих обстоятельств, служащих отражением циклических законов, символы горы и пещеры в равной мере имеют право на существование, тем более, что они взаимодополняют друг друга;[150] кроме того, пещера может располагаться как внутри самой горы, так и непосредственно под ней.

Известны и другие символы, соответствующие в древних традициях "Центру Мира"; самым примечательным среди них является Омфалос, что значит «пуп», но в широком смысле служит также для обозначения любой центральной точки, например, ступицы колеса. Столь же многозначно санскритское слово набхи и происходящие от того же корня (наб-нав) слова в кельтских и германских языках.[151] С другой стороны, в галльском языке слово нав или наф, явно идентичное тем, что указаны выше, обозначает «вождя» и прилагается даже к Богу, т. е. выражает смысл Первоначала.[152] С этой точки зрения особенно важен смысл «ступицы», поскольку колесо повсюду рассматривается как символ Мироздания, свершающего круговорот вокруг недвижной оси, символ, который можно поэтому сопоставить со свастикой; разница в том, что в фигуре свастики окружность, изображающая проявленное бытие, только подразумевается, тогда как центр обозначен явственно: таким образом, свастику следует считать не символом мира, а схемой воздействия Принципа на мир.

Символ Омфалоса мог располагаться в том месте, которое служило всего-навсего центром определенной области, скорее, впрочем, духовным, нежели географическим, хотя оба эти значения зачастую совпадали; но, как бы там ни было, для народа, жившего в данной области, эта точка являлась зримым образом "Центра Мира", подобно тому, как традиция этого народа была лишь модификацией первозданной традиции, наилучшим образом приспособленной к его образу мыслей и условиям существования. Более всего известен Омфалос Дельфийского храма; храм этот и впрямь был духовным центром Древней Греции,[153] именно в нем дважды в год собирался совет Амфиктионов, состоявший из представителей всех греческих народов и служивший единственной реальной связью между ними, связью, чья сила основывалась на ее традиционном характере.

Материальным выражением Омфалоса служил обычно священный камень, часто называемый «бетилом»; это слово, скорее всего, родственно еврейскому имени «Вефиль» (Бейт-эль, "Дом Бога"), которым Иаков нарек то место, где во сне явился Господь: "Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся, и сказал: как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, — это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он

положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: Вефиль, а прежнее имя того города было: «Луз». Выше мы уже объяснили значение слова Луз; что же касается имени Вефиль (Бейт-эль, "Дом Бога"), то впоследствии оно превратилось в название Вифлеема (Бейт-Леем, "Дом Хлеба"), того самого города, где родился Христос;[154] символическое соответствие между камнем и хлебом настолько знаменательно, что заслуживает особого внимания.[155] Кроме того, следует отметить, что имя Бейт-эль прилагается не только к местности, но и к самому камню: "Этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим".[156] Стало быть, именно этот камень должен служить таким же "божественным обиталищем" (мишкан), как впоследствии Скиния Завета, т. е. местом пребывания Шехины; все это естественным образом связано с вопросом о "духовных влияниях" (беракот) так что, когда речь идет о "культе камней", встречавшемся у стольких народов древности, следует помнить, что он был обращен не к самим камням, а к Божеству, избравшему их в качестве своего пребывания.

Камень, изображающий Омфалос, мог иметь форму столба как в библейском рассказе об Иакове; весьма возможно, что некоторые менхиры кельтских народов имели именно такое значение; возле таких камней изрекались оракулы, как было в Дельфах, что вполне объяснимо, поскольку камни эти считались обиталищем Божества; впрочем, "Дом Бога" вполне естественно идентифицируется с "Центром Мира". Омфалос мог быть также камнем яйцеобразной или конической формы, как черный камень Кибелы; конус напоминает священную гору, символ «Полюса» или "Мировой Оси"; что касается яйцевидных камней, то они непосредственно соотносятся с другим важнейшим символом, — символом "Мирового Яйца".[157] Следует еще добавить, что если обычно Омфалос был каменным, то иногда он мог представлять из себя просто-напросто земляной бугор, нечто вроде кургана, что тоже является одним из образов священной горы; так, в Китае в центре каждого царства или провинции некогда воздвигались четырехгранные пирамиды, сложенные из земли "пяти областей": каждая из граней соответствовала одной из сторон света, а вершина — центру мира.[158]

Как ни странно, сходное деление на "пять областей" встречалось и в Ирландии, где вертикально стоящий "камень вождя" так же воздвигался в центре каждого удела.

Среди кельтских стран именно в Ирландии зафиксировано самое большое количество данных относительно омфалосов; в древности эта

страна была разделена на пять королевств, одно из которых носило название Мид (сохранившееся в англицизированной форме Meath), оно происходит от древнего ирландского слова «medior», "середина", идентичного латинскому medius.[159] Королевство Мид, образованное из территорий, принадлежащих четырем другим королевствам, было собственным владением верховного короля Ирландии, которому подчинялись все остальные.[160] В Уснехе, располагавшемся почти точно в центре страны, был воздвигнут огромный камень, именовавшийся "пупом Земли", а также "камнем уделов", поскольку он находился в том месте, где сходились пограничные линии всех четырех первоначальных королевств. Вокруг него ежегодно, в первый день мая, собирался всеобщий совет, схожий с ежегодным сборищем друидов в "срединном священном месте" (medio-lanon или medio-nemeton) Галии, в стране карнутов, или с упоминавшимся выше собранием Амфиктионов в Дельфах. Это разделение Ирландии на четыре королевства с добавлением срединной области, являющейся резиденцией верховного вождя, связано с традициями седой древности. Именно поэтому Ирландия называлась "островом четырех Владык",[161] но это наименование, так же, как и другое, — "Зеленый остров" (Эрин), прилагалось первоначально к другой земле, расположенной куда севернее, ныне неизвестной и, быть может, исчезнувшей: речь идет об Огигии или, скорее, Туле, которая была одним из главных, если не самым главным духовным центром определенного периода. Память об этом "острове четырех Владык" сохранилась даже в китайской традиции, на что, как нам кажется, никто еще не обращал внимания. Приведем соответствующий даосский текст: "Императору Яо казалось, что он — идеальный правитель. Но посетив четырех Владык на далеком острове Ку-ши (населенном "истинными людьми", чэн-жэнь, т. е. людьми, вернувшимися в "первозданное состояние"), он признал, что ему до них далеко. Ведь идеал — это безразличие (или, вернее, отрешенность, "деяние посредством недеяния") истинного человека, вращающего космическое колесо".[162] С другой стороны, "четверо Владык" идентичны четырем махараджам или "великим царям", которые, согласно традициям Индии и Тибета, предстоят четырем сторонам света;[163] в то же время они соответствуют четырем элементам: в таком случае пятый, верховный Владыка, царящий в центре, на священной горе, олицетворяет собой эфир (Акаша) или «квинтэссенцию» герметистов, т. е. первоэлемент, из которого происходят четыре остальных;[164] аналогичные традиции встречаются также в Центральной Америке.

Глава X. НАЗВАНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ

Говоря о "вышней области", мы могли бы привести немало согласующихся между собой свидетельств, относящихся к другим традициям; вспомним, в частности, еще одно наименование этой области, возможно, куда более древнее, чем Парадеша. Это наименование — Тула, которое, у греков превратилось в Thule; как мы вскоре убедимся, эта Thule, по всей вероятности, первоначально идентична "острову четырех Владык". Следует, впрочем, заметить, что название Тула вплоть до наших дней встречается в самых разных точках Земли — от Центральной России до Центральной Америки; можно предположить, что каждая из. этих точек в более или менее отдаленную эпоху служила местопребыванием духовной власти, являющейся как бы эманацией владычества первозданной Тулы. Известно, что мексиканская Тула была основана тальтеками, выходцами из Ацтлана, "земли среди вод", под которой, разумеется, следует понимать Атлантиду; они принесли имя Тулы со своей прародины и дали его тому центру, который, возможно, должен был в какой-то мере заменить погибший материк.[165] Но, с другой стороны, следует отличать Тулу атлантов от Тулы гипербореев, которая и в самом деле представляет собой первый и наивысший центр для совокупности человечества теперешней Манваитары; именно она была тем "священным островом", и, как говорилось выше, первоначально занимала полярное положение не только в символическом, но и в буквальном смысле слова. Все другие "священные острова", повсюду обозначаемые именами со схожими значениями, были только образами этого острова; это приложимо даже к духовному центру атлантской традиции, которая существовала в течение вторичного исторического цикла, включенного в Манвантару.[166]

Слово «Тула» на санскрите означает «весы» и, в частности, употребляется для обозначения одноименного созвездия; но, следует помнить, что, согласно китайской традиции, небесными Весами считалась первоначально Большая Медведица.[167] Это замечание крайне важно, ибо символика, относящаяся к Большой Медведице, естественным образом связана с Полюсом;[168] к сожалению, мы не имеем возможности далее

углубляться в эту тему, достойную отдельного исследования.[169] Здесь можно было бы также рассмотреть соотношение между полярным и зодиакальным созвездием Весов, которое считалось "знаком Суда"; то, что говорилось выше по поводу Мелки-Цедека о весах как атрибуте Правосудия, помогает понять, что название это служило обозначением высшего духовного центра.

Тула именовалась еще "белым островом", а мы уже говорили, что именно этот цвет указывает на духовное владычество; в американских традициях Ацтлан символизируется белой горой, но символ этот прилагается прежде всего к гиперборейской Туле и к "полярной горе". В Индии "белый остров" (Швета-двипа), помещавшийся обычно в дальних северных краях,[170] считался "обителью Блаженных", что позволяет сопоставить его с "Землей Живых".[171] Существует, впрочем, одно явное исключение: кельтские традиции чаще всего упоминают о "зеленом острове" как об острове «Святых» или "Блаженных".[172] Однако в центре этого острова высится белая гора с пурпурной вершиной,[173] которую, как говорится в сагах, "не зальет никакой потоп".[174] Эта "солнечная гора", как ее еще называли, — не что иное, как Меру, ведь Меру — тоже "белая гора", окаймленная полосой зелени, поскольку она высится среди моря,[175] а на вершине ее блещет световой треугольник.

К названиям духовных центров, связанным с образом "белого острова" (этот образ, как и другие, приложим не только к высшему, но и к второстепенным духовным центрам), примыкают имена стран, местностей и городов, также отражающих идею белизны. Таких имен множество — от Альбиона до Албании, не говоря уже об Альба-Лонге, которая была как бы прообразом Рима, и других античных городах,[176] носивших сходные названия, — достаточно вспомнить Аргос[177] в древней Греции; о смысле всех этих фактов мы поговорим чуть позже.

А пока сделаем еще одно замечание относительно духовного центра, изображаемого в виде острова со "священной горой". Такая локализация могла иметь место в реальной действительности (хотя, разумеется, не все "Святые Земли" были островами), но суть дела состоит не в этом, а в символическом. значении данного местоположения. Даже исторические факты, не говоря уже о событиях священной истории, служат лишь отражением истины высшего порядка в силу закона соответствий, являющегося подлинным основанием всякой символики и объединяющего все миры в единое и гармоническое целое. Образ острова и горы на нем в первую очередь отражает идею «стабильности», о которой мы упоминали

выше в связи с символикой «Полюса»: остров неколебимо высится среди вечно бушующих волн, служащих изображением "внешнего мира": нужно пересечь это "море страстей", чтобы добраться до "Горы спасения", "Святилища мира".[178]

Глава XI. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ

В предыдущих главах мы почти не касались вопроса о реальной локализации "вышней области", вопроса исключительной сложности, но представляющегося довольно второстепенным с той точки зрения, которую мы избрали. Можно было бы рассмотреть многочисленные случаи последовательных локализаций, соответствующих различным временным циклам, которые, в свою очередь, являются подразделами Манвантары; если бы, каким-то образом оказавшись вне времени, можно было обозреть всю его протяженность, нам открылся бы иерархический порядок этих локализаций, соответствующий складу традиционных форм, которые, в конечном счете, являются не чем иным, как ответвлениями основной и первозданной традиции, доминирующей в течение всей Манвантары. С другой стороны, напомним еще раз, что помимо главного центра и одновременно с ним могут существовать и многие другие связанные центры, которые, будучи более внешними, выглядят в силу этого и более явными, нежели высший центр.[179]

По поводу этого пункта мы уже отметили, в частности, сходство Лхассы, центра ламаизма, с Агартхой; теперь можно добавить, что даже на Западе до сих пор существуют два города, чьи топографические особенности в каком-то смысле роднят с Лхассой: это Рим и Иерусалим (о последнем мы уже говорили, что он и в самом деле был в свое время зримым образом таинственного Салема, резиденции Мелки-Цедека). Дело в том, что в древности, как уже подчеркивалось выше, существовала особая отрасль знания, которую можно назвать священной или жреческой географией; расположение городов и храмов было отнюдь не произвольным, а определялось в соответствии с точными законами;[180] отсюда можно вывести наличие связей, существовавших между «священным» и «царским» искусством и творчеством тогдашних зодчих,[181] а также понять причины, в силу которых древние корпорации были хранителями подлинной инициатической традиции.[182] Более того: соотношение между основанием того или иного города и той или иной доктрины (или новой традиционной формы, приспособленной к определенным условиям эпохи и местности) было таким, что первое часто мыслилось символом второго.[183] Внешне естественно, что при основании

города, который должен был стать, в том или ином смысле, метрополией целой части света, требовалось соблюдение особых предосторожностей; с этой точки зрения заслуживают особого интереса как названия таких городов, так и обстоятельства их закладки.[184]

Не углубляясь в эти рассуждения, не относящиеся непосредственно к нашему сюжету, скажем еще, что подобный центр существовал на Крите в доэллинскую эпоху,[185] а в Египте их насчитывалось несколько, причем они. вероятно, были заложены в разные эпохи; к ним, в первую очередь относятся Мемфис и Фивы.[186] Название Фив (одноименный город существовал, как известно, и в Греции) заслуживает особенного внимания г; силу своей явной идентичности еврейскому слову Thebah, обозначающему Ноев ковчег. Ведь ковчег — это еще один образ высшего центра, рассматриваемый в данном качестве постольку, поскольку он обеспечивает сохранность традиции, находящейся, так сказать, в "свернутом состоянии",[187] совпадающем с переходной эпохой, с промежутком между двумя циклами, с космической катастрофой, разрушающей прежний миропорядок ради установления нового.[188] Роль библейского Ноя[189] схожа с той, которую в индийской традиции играет Вайвасвата, теперешний Ману; следует, однако, заметить, что если индусская традиция соотносится, таким образом, с началом нынешней Манвантары, то библейский потоп знаменует собой лишь начало нового подцикла, входящего в Манвантару;[190] таким образом, речь здесь идет не об одном и том же, а о двух схожих событиях.

Заслуживает интереса и соотношение между символикой ковчега и радуги, особо подчеркнутое в библейском тексте, где описывается появление радуги после потопа как знака завета между Богом и его земными творениями.[191] Во время катаклизма ковчег плавает по океану "нижних вод"; в момент восстановления миропорядка и обновления всего сущего над ним появляется радуга, — появляется "в облаке", т. е. в области "верхних вод". Стало быть, здесь идет речь о соотношении по аналогии в прямом смысле слова, т. е. о таком, когда две одинаковые фигуры представляются как бы зеркальным отражением и дополнением друг друга: выпуклость ковчега обращена вниз, выпуклость радуги — вверх, а их совокупность образует целостную круговую или цилиндрическую фигуру, двумя половинами которой они являются.[192] Эта фигура и в самом деле была целостной в начале цикла: она выглядела вертикальным срезом сферы, чья горизонтальная проекция представлялась круговой оградой земного Рая,[193] а та в свою очередь, разделялась крестообразной фигурой,

образованной четырьмя реками, стекающими с "полярной горы".[194] Восстановление миропорядка должно начаться уже в конце предыдущего цикла, когда кругообразное пространство земного Рая сменяется четырехугольником,[195] символизирующим Небесный Иерусалим, что указывает на свершение того процесса, которое герметисты именовали "квадратурой круга": сфера, служащая образом развития космических возможностей посредством расширения первозданной центральной точки превращается в куб, когда это развитие завершено и рассматриваемый цикл достиг конечного равновесия.[196]

Глава XII. НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из единодушных свидетельств разных традиций вытекает отчетливое заключение: "Святая Земля", прототип всех остальных "Святых Земель", духовный центр, которому подчинены все остальные центры, существует на самом деле. "Святая Земля" — это еще и "Земля Святых", "Земля Живых", "Земля Блаженных", "Земля Бессмертия", все эти названия, к которым следует еще добавить "Чистую Землю"[197] Платона, "Прибежище Блаженных",[198] эквивалентны друг другу. Обычно это «прибежище» мыслится расположенным в "невидимом мире", но, стараясь вникнуть в суть этого выражения, мы не должны забывать, что там же находятся и те "духовные иерархии", о которых говорят все традиции, — иерархии, на самом деле являющиеся степенями посвящения.[199]

В современном периоде нашего земного цикла, т. е. в эпоху Кали-юги, эта "Святая Земля", охраняемая «стражами», которые, ограждая ее от взоров непосвященных, в то же время осуществляют ее связь с внешним миром, и впрямь невидима и недоступна, но только для тех, кто недостоин в нее проникнуть. Должна ли в таком случае ее локализация в определенном районе считаться реальной в буквальном смысле слова, или символической, или реальной и символической одновременно? На этот вопрос мы ответим, что для нас географические, исторические, да и все прочие факты сами по себе имеют лишь символический характер, что, впрочем, не только не исключает их непосредственной реальности, но наделяет их высшим смыслом.[200]

Сознавая, что тема настоящего исследования отнюдь не исчерпана и что приведенные в нем примеры и параллели можно было бы умножить, мы все-таки убеждены, что высказались по данному вопросу полнее, чем кто-либо до нас, и что, возможно, именно это обстоятельство навлечет на нас всякого рода нарекания. С другой стороны, мы полагаем, что не сказали ничего лишнего, хотя и сознаем свою ответственность за открытое изложение тех или иных не слишком банальных мыслей. События в наше время развиваются столь стремительно, что последствия их обретают непредвиденный характер, — вот почему мы решили, воздержавшись от каких бы то ни было «пророчеств», привести в заключение цитату из Жозефа де Местра[201] которая звучит теперь куда убедительней, чем столетие назад: "Мы должны быть готовы к событию божественного

порядка и огромного значения, — событию, которое надвигается на нас со все возрастающей скоростью. Грозные оракулы возвещают, что сроки уже исполнились".

---

notes

Примечания

1

Литературный журнал. 1992. № 2. С. 237.

2

Там же. С. 238.

3

Цит. по: Баталин Н. Сказание об Индийском царстве. Воронеж, 1876. С. 94.

4

Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С 49.

5

Рерих Н.К. Избранное. М., 1990. С. 168, 171.

6

Цит. по рукописному переводу В.И. Бернацкой.

7

Цит. по: Баталин Н. Ук. соч. С. 15.

8

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. СПб., 1912. С. 279 (репринт. переиздание. М., 1991).

9

Neville P. Les tenebreux de l'Histoire P., 1975. P. 90.

10

Сент-Ив д'Альвейдр. Миссия Индии в Европе. Пг., 1915. С. 40.

11

Судя по сообщениям Николая Рериха, эти летательные аппараты существовали уже в его время: "…мы замечаем, что на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу…Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро". (Рерих И. Ук. соч. С. 190).

12

Hutin S Des mondes souterraines au Roi du Monde. P., 1976. P. 294.

13

Некоторые сведения о жизни и творчестве Р. Генона можно найти в моей статье "Рене Генон и философия традиционализма", Вопросы философии. 1991. № 4.

14

Свящ. Флоренский. П. Из богословского наследия. "Богословские труды". Вып. 1. М., 1977. С.130.

15

Ouspensky P.D Fragments d'un Enseignement inconnu. P., 1968. P. 102.

16

Бенуа Люк. Эзотеризм // Комментарии. 1992. № 1. С 32.

17

Упанишады. М., 1967. С 185.

18

В этой связи следует сказать, что судьба народов, претерпевающих "муки рассеяния", — самым ярким примером такого рода можно считать цыган, — и в самом деле содержит в себе нечто загадочное, заслуживающее внимательного рассмотрения.

19

Противники Оссендовского пытались объяснить этот факт тем, что он имел доступ к русскому переводу "Миссии Индии", изданию более чем проблематичному, поскольку даже наследникам Сент-Ива ничего о нем неизвестно. Упрекали Оссендовского и в том, что он передает звучание священной моносиллабы как «Ом», а не «Аум», но если «Аум» — это графическая передача элементов, составляющих моносиллабу, то «Ом» — это его правильная транскрипция, соответствующая реальному произношению этого слова в Индии, Тибете и Монголии; подобной детали достаточно, чтобы оценить компетентность некоторых «критиков».

20

Оссендовский, не знавший о метеоритном происхождении этого камня, считал его куском сланца, на котором непонятным образом появляются иногда какие-то письмена.

21

Напрашивается любопытное сопоставление этого камня с легендарным "lapsit exillis", упавшим с неба камнем, на поверхности которого при известных обстоятельствах также проступают письмена, — том самом Граале, о котором говорится в поэме Вольфрама Эйшенбаха. Интереснее всего, что, согласно Эйшенбаху, Грааль был в конце концов перенесен в "царство пресвитера Иоанна", которое некоторые исследователи отождествляют с Монголией, хотя никакая точная географическая локализация здесь неуместна.

22

Мы были весьма удивлены, узнав недавно, что кое-кому хотелось бы видеть в данной книге свидетельство" в пользу человека, о самом существовании которого мы даже не подозревали, работая над ней; мы категорически отвергаем все поползновения подобного рода, с какой бы стороны они ни исходили; мы излагаем лишь данные, касающиеся традиционной символики и не имеющие отношения никакого к «личностям».

23

Минос был у греков одновременно законодателем живых и судьей мертвых; в индусской традиции эти две функции принадлежат, соответственно, Ману и Яме, которые представляются близнецами, что указывает на разделение первоначально единого принципа, который со временем стал рассматриваться в двух различных аспектах.

24

Эта резиденция "солнечной династии", если рассматривать ее символически, может быть сопоставима с "Солнечной цитаделью" розенкрейцеров и, разумеется, с "Городом Солнца" Кампанеллы.

25

Само понятие "Брахманической церкви" никогда не существовало в древней Индии; это название присвоила себе разношерстная и насквозь современная секта «Брахма-Самадж», которая зародилась в начале XIX в. под европейским и, прежде всего, протестантским влиянием, и быстро распалась на многочисленные соперничающие между собой группировки; к настоящему времени она почти полностью угасла; интересно отметить, что одним из ее основателей был дед поэта Рабиндраната Тагора.

26

Св. Бернард говорит, что "Понтифик, как следует из этимологии этого слова, есть мост между Богом и человеком". В джайнской традиции Индии существует термин, полностью соответствующий латинскому Понтифексу: это Тиртханкара, буквально "устроитель брода или перехода"; переход, о котором идет речь, — это путь к Освобождению (Мокша). Тиртханкаров двадцать четыре, как и старцев Апокалипсиса, которые, кстати сказать, составляют своего рода "Понтификальную коллегию".

27

С другой точки зрения эти ключи символизируют «Большие» и «Малые» мистерии. На некоторых изображениях Януса обе власти символизируются ключом и скипетром.

28

Заметим в этой связи, что социальная структура западного Средневековья в основных своих чертах как бы скопирована с кастовой системы: духовенство соответствовало брахманам, рыцарство — кшатриям, третье сословие — вайшьям, а крепостные — шудрам.

29

Вопрос о "пресвитере Иоанне" был поднят в эпоху св. Людовика, во время путешествий Карпино и Рубрука. Этот вопрос усложняется тем обстоятельством, что, согласно некоторым данным, насчитывалось до четырех лиц, носивших такое имя: в Тибете (или на Памире), в Монголии, в Индии и в Эфиопии (последний топоним мог иметь весьма расплывчатое значение), но, возможно, речь здесь идет лишь о разных представителях одной и той же власти. Рассказывают также, что царство пресвитера Иоанна хотел покорить Чингис-хан, но армия монгольского завоевателя была отброшена от его границ разрядами молний. Со времени мусульманских нашествий пресвитер Иоанн перестал появляться и внешне его представляет Далай-Лама.

30

В Центральной Азии, особенно в Туркестанской области, встречаются несторианские надгробные кресты, полностью схожие с рыцарскими; некоторые из них, кроме того, украшены посредине знаком свастики. Следует заметить, что несториане, чьи связи с ламаизмом кажутся неопровержимыми, сыграли большую, хотя и достаточно загадочную роль в деле становления Ислама. Сабеяне, со своей стороны, оказали огромное влияние на арабский мир во времена багдадского халифата; утверждают даже, что именно в их среде нашли свое пристанище после изгнания из Персии последние неоплатоники.

31

Мы уже упоминали об этом обстоятельстве в нашем исследовании "Эзотеризм Данте".

32

В Древнем Риме, напротив, император был в то же время и Верховным Понтификом. Мусульманская теория также объединяет оба вида власти, по крайней мере частично. Сходным образом обстоит дело на Дальнем Востоке.

33

Нам уже случалось проводить аналогию между понятием Чакраварти и имперской идеей у Данте, развиваемой в трактате "О монархии".

34

Китайская традиция в более или менее схожем случае употребляет выражение "неизменное средоточие". Заметим попутно, что, сообразно с масонской символикой, Мастера собираются в "Срединном покое".

35

Кельтская символика колеса сохранила свое значение вплоть до Средних веков; многочисленные ее примеры можно отыскать в романских церквах, да и готическая розетка, по всей видимости, происходит оттуда же. ибо существуют определенные соотношения между колесом и некоторыми эмблематическими цветами, такими, как роза на Западе и лотос на Востоке.

36

Этот знак не чужд и христианскому герметизму. В старом монастыре кармелиток в Лудене нам довелось видеть весьма любопытные символы, датируемые, предположительно, второй половиной XV в., среди которых свастика и знак [….], к которому мы вернемся ниже, занимают одно из главных мест. По этому поводу нелишне заметить, что кармелиты, пришедшие с Востока, связывают основание своего ордена с Илией и Пифагором (как масоны, со своей стороны, упоминают в числе своих предшественников Соломона и того же Пифагора — совпадение довольно любопытное) и что в Средние века их инициационные обряды были весьма близки к обрядам тамплиеров; то же самое можно сказать и о монашеском ордене тринитариев, о котором мы довольно подробно писали в "Эзотеризме Данте".

37

То же замечание можно отнести и к символу колеса, чье истинное значение мы только что объяснили.

38

Корень «дхри» выражает, главным образом, идею стабильности; в несколько иной огласовке ("дхру") он входит в состав слова «дхрува» (полюс), а некоторые ученые сближают его с греческим словом «друс» (дуб). Вспомним, что слово «robur» на латыни значит и «дуб» и «сила» или "крепость".

Как у друидов (само название которых разлагается на элементы «dru-vid» — "сила и мудрость"), так в Додонском святилище, дуб почитался как "Мировое древо", символ оси, связующей оба полюса.

39

Здесь уместно напомнить библейские тексты, в. которых сближаются Справедливость и Миролюбие; "Правда и мир лобызаются" (Пс. 84, 11).

40

Ин. 14.27.

41

Vulliaud M. La Kabbale juive. T. 1; P. 503.

42

Ibid. P. 506–507.

43

Сходная символика выражена в средневековом изображении "древа живых и мертвых", которое, кроме того, отчетливо связано с идеей "духовного потомства"; следует заметить, что сефиротическое древо рассматривается так же как аналог "Древа жизни".

44

Согласно Талмуду, у Бога есть два престола, престол Справедливости и престол Милосердия; они соответствуют «Трону» и «Креслу» исламской традиции. Напомним, что в ней божественные имена Сифатия, т. е. те, которые выражают атрибуты, относящиеся непосредственно к Аллаху, разделяются на "имена величия" (Джалалия) и "имена благолепия" (Джамалия), что соответствует разделениям того же порядка.

45

Vulliaud M. Op cit. T. 1. P. 507.

46

Согласно св. Августину и другим Отцам Церкви, десница олицетворяет Милосердие или Доброту, тогда как шуйца Господня является символом его Справедливости. "Рука правосудия" — один из обычных атрибутов царской власти, "рука благословляющая" — знак духовного владычества; иногда она рассматривается как символ Христа. Эта "благословляющая рука" встречается на некоторых галльских монетах наряду с округленной свастикой.

47

Этот центр или вторичные центры, созданные по его подобию, может быть символически описан и как храм (это его жреческий аспект, соответствующий Миру (Рах) и как дворец или судилище (царский аспект, соответствующий Справедливости).

48

Речь идет о двух половинах зодиакального цикла, которые часто изображались на порталах средневековых церквей.

49

Vulliaud M. Op. cit. P. 497–498.

50

Численное значение обоих имен равняется 314.

51

Vulliaud M. Op. cit. P. 492; 495.

52

Ibid. P. 500–501.

53

Последнее замечание наводит на мысль о словах Писания: "Благословен грядущий во имя Господне" — словах, прилагаемых к Христу, который в «Пастыре» Гермы (Раннехристианское сочинение, не вошедшее в канонический текст Нового Завета. — Прим. пер.) связывается с Микаэлем, что может показаться довольно странным, но не должно смущать тех, кто помнит о связи, существующей между Мессией и Шехиной.

54

Это число, в частности, соответствует имени Соракта, демона Солнца, противополагаемого ангелу Микаэлю; другие его значения мы приведем ниже.

55

56

Эти два противоположных аспекта проявляются, в частности, в двух змеях, обвившихся вокруг кадуцея; в христианской иконографии они представлены «амбисфеном», двуглавым змеем, одна из голов которого изображает Христа, а другая — Сатану.

57

Укажем еще, что "Мировая сфера", знак императорской власти или всемирной монархии, часто изображается в руке Христа, показывая тем самым, что она является символом как духовной, так и светской власти.

58

Оссендовский пишет: Брахитма, Махитма и Махинга.

59

Выше указывалось, что Метатрон — это "Ангел Лика".

60

Согласно дальневосточной традиции, "Неизменное средоточие" — это то место, где проявляется "Активность Неба".

61

Тех, кого удивит такое выражение, позволительно спросить, задавались ли они вопросом, что обозначает «triregnum», тиара, составленная из трех венцов, которая, вместе с ключами, служит одним из главных символов Папства.

62

Там сказано также, что он должен был закрывать лицо покрывалом, обращаясь к народу, который не мог выносить этого сияния (Исход, 34, 29–35); в символическом смысле это обозначает необходимость экзотерического приспособления к нуждам толпы. Вспомним по этому поводу двойной смысл слова «откровение», которое может означать как "снятие покрова", так и "сокрытие под покровом".

63

Как ни поразительно, но наименование это встречается в древнехристианской символике, где среди сигнатур, обозначающих Христа, встречается такая, которую в более позднее время рассматривали как аббревиатуру формулы "Ave Maria", но первоначально она была монограммой, составленной из первой и последней букв греческого алфавита, альфы и омеги, и обозначало Слово, начало и конец всего сущего. На самом деле смысл сигнатуры […] еще сложней: ее можно разложить на «Aum», т. е. три буквы латинского алфавита, полностью соответствующие трем составным элементам моносиллабы Ом (гласная «О» в санскрите образована слиянием «А» и "У"), Сближение сигнатуры «Аум» и свастики, понимаемых как символы Христа, также показательно с той точки зрения, которую мы занимаем. Кроме того, отметим, что сигнатура эта составлена из двух тернеров, которые в известном смысле эквивалентны изображению и "печати Соломона" (…), обе фигуры содержат одинаковое количество линий и разнятся лишь их взаимным расположением.

64

Более подробно эта концепция "трех миров" рассматривается в наших предшествующих трудах "Эзотеризм Данте", Р., 1925 и "L'Homme et son devenir selon le Vedanta", Р., 1925, к которым мы вынуждены отослать читателя. В первом из них мы особенно настаиваем на соответствии этих миров, по сути дела являющихся состояниями бытия, со степенями посвящения. Во втором — даем с чисто метафизической точки зрения исчерпывающее толкование "Мандукья Упанишады", в которой полностью освещается затронутая здесь символика.

65

На шкале вселенских принципов функция Брахатмы соотносится с Ишварой, функция Махатмы — Хиранъя-харбхой, а функция Маханги — с Вираджем: их соответствующие обязанности легко выводятся из данного соответствия.

66

Мандукья Упанишада, шрути 6.

67

Хотя Сент-Ив и упоминает о трех «царях-волхвах», пришедших из Агартхи, но не приводит на сей счет никаких уточнений. Имена, которые им приписываются, можно считать плодом фантазии, кроме, однако, довольно многозначительного имени Мельхиор (Мелки-Ор), что по-еврейски значит "Царь Света".

68

Амрита индусов, как и греческая амброзия (оба слова этимологически идентичны), т. е. напиток или пища бессмертия, соответствует ведической соме и авестийской хаоме. Деревья, выделяющие сок или смолу, препятствующие гниению, играют важную роль в традиционной символике; в частности, они: употреблялись иногда в качестве эмблемы Христа.

69

В священных текстах говорится, что Адитьев (от «Адити», что значит "невидимое") насчитывалось сначала семь и лишь потом стало двенадцать, и что их владыкой был тогда Варуна. Имена Адитьев суть: Дхатри, Митра, Арьяман, Рудра, Варуна, Сурья, Бхага, Вивасват, Пушан, Савитри, Тваштри, Вишну. Все они являются проявлениями единой и неделимой сущности. Об Адитьях сказано также, что они в виде двенадцати солнц появятся одновременно на небосводе в конце цикла времен, обретая таким образом свое первозданное сущностное единство. Двенадцать великих олимпийских богов также соответствуют двенадцати знакам зодиака.

70

Именно эту эмблему приписывает Христу католическая литургия, именуя его "Праведным Солнцем", Sol Justitiae; Слово и в самом деле является "Духовным Солнцем", т. е. настоящим "Центром Мира", не забудем, что это выражение — Sol Justitiae — прилагается также и к Мельхиседеку. Стоит заметить, что лев, солнечное животное, как в древности, так и в Средние века служил одной из эмблем правосудия и в то же время силы; знак Льва в зодиаке соответствует дому Солнца. Изображение Солнца с двенадцатью лучами можно рассматривать как образ двенадцати Адитьев; с другой точки зрения, когда Солнце служит образом Христа, те же лучи уподобляются двенадцати апостолам (слово «apostolos» значит «посланник»; Христос посылает их точно так же, как Солнце «посылает» свои лучи). Кроме того, само число апостолов служит, помимо прочего, замечательным подтверждением соответствия между Христианством и первозданной Традицией.

71

Вспомним в связи с этим "Потерянное слово" масонов, символизирующее тайны подлинного посвящения; "поиски Потерянного слова" являются, таким образом, всего лишь разновидностью "поисков Грааля". Соотношениям между "Поисками святого Грааля" и масонством посвящена работа историка Анри Мартена Приводимые нами объяснения помогут уяснить тесную связь между символикой Грааля и "общим центром" всех инициатических организаций.

72

Само имя Лонгина родственно слову, обозначающему по-гречески копье ("logke", произносится как "lonke"); латинское «lancea» происходит из того же корня.

73

Два этих персонажа символизируют соответственно царскую власть и жреческое владычество; то же самое можно сказать об основателях "Круглого Стола", короле Артуре и волшебнике Мерлине.

74

Скажем лишь, что символика копья нередко соотносится с "Осью Мира"; с этой точки зрения, кровь, струящаяся по копью, имеет то же значение, что и роса, выступающая на "Древе Жизни"; общеизвестно, что все традиции единодушно подчеркивают нерасторжимую связь жизненной силы с кровью.

75

Иные утверждают, будто этот изумруд выпал из венца Люцифера; подобное ошибочное утверждение основано на том, что до своего падения Люцифер считался "Ангелом Венца" (т. е. Кетером, первым из Сефиротов). По-еврейски это имя звучит как Хакатриил; интересно, что ему соответствует пресловутое число 666.

76

77

78

Известно, что Сиф провел в земном Раю сорок лет — число, которое имеет значение «примирения» и "возвращения к истокам". Временные периоды, обозначенные этим числом, весьма часто встречаются в иудеохристианской традиции: вспомним сорок дней потопа, сорок лет, в течение которых иудеи блуждали по пустыне, сорок дней, проведенных на Синае Моисеем, сорокадневный пост Христа (наш Великий пост имеет, естественно, то же значение) и многое другое.

79

"И ходил Енох перед Богом; и не стало его (во внешнем или видимом мире), потому что Бог взял его" (Бытие, V, 24), — он, скорее всего, был перенесен в земной Рай: именно этого мнения придерживаются такие теологи, как Тоста и Каэтано. О "Земле Святых" или "Святой Земле" мы расскажем ниже.

80

Это вполне согласуется с символикой Данте, помещающего земной Рай на вершине горы, венчающей Чистилище, которая аналогична "Полярной горе" всех традиций.

81

Индусская традиция учит, что в начале времен была одна-единственная каста, носившая название «Хамса» ("Лебедь"); это значит, что все люди обладали тогда от рождения той высокой степенью духовности, которая символически обозначена в самом названии их касты, как бы воспаряющей над разобщенностью четырех теперешних каст.

82

В некоторых версиях легенды о святом Граале оба эти значения теснейшим образом переплетаются и книга становится тогда надписью, сделанной Христом или ангелами на самой чаше. Аналогии с "Книгой жизни" и другими элементами апокалиптической символики напрашиваются здесь сами собой.

83

Само это имя весьма примечательно; объяснением его значения, связанного с «полярной» символикой, мы, быть может, займемся в будущем.

84

Рыцарей Круглого Стола иногда насчитывается до пятидесяти (у евреев это число было связано с праздниками юбилеев, соотносимых с "царством Святого Духа", но даже тогда двенадцать из них продолжали играть главную роль. Напомним в этой связи и о двенадцати пэрах Карла Великого в средневековых легендах).

85

На сходство Монсалъвата с Меру нам указали индусы; именно это указание и побудило нас более подробно рассмотреть значение западноевропейской легенды о Граале.

86

Согласно парсийской традиции, существуют два вида хаомы: белая, которую можно отыскать только на "священной горе", носящей название Алборж, и желтая, заменившая белую в ту пору, когда предки иранцев покинули свою прародину, и в свой черед утерянная ими. Суть этой символики — в последовательных фазах духовного помрачения, нарастающего из века в век в течение всего человеческого цикла.

87

Дионис или Вакх был известен под многими именами, соответствующими различным аспектам этой фигуры; ло меньшей мере один из этих аспектов связывал происхождение Диониса с Индией. Сказание, согласно которому он родился из бедра Зевса, основано на любопытнейшем словесном уподоблении: греческое слово «мерос» (бедро) послужило заменой названия священной горы Меру, поскольку фонетически они почти идентичны.

88

Числовое значение их равно 70-и.

89

Жертвоприношение Мельхиседека обычно рассматривается как прообраз Евхаристии, а христианское священство приравнивается к священству Мельхиседека; "Ты священник вовек по чину Мельхиседека" (Пс. 109, 4).

90

Послание к евреям, 5, 11.

91

Имя Аврам тогда не было еще заменено на Авраам, в то же время жена Аврама уже стала Саррой, так что сумма числовых значений обоих имен осталась неизменной.

92

Бытие, XIV, 18–20.

93

Тот же корень содержится в слове Ислам и муслим (мусульманин); "покорность воле Господней" (именно таков смысл слова Ислам) — необходимое условие для достижения «Мира»; сходная мысль выражена в слове «Дхарма».

94

Послание к евреям. VII, 1–3.

95

Там же. VII. 7.

96

Бытие. XIV, 22.

97

Для каждого из этих имен оно равняется 197-и.

98

Исходя из всего вышеизложенного, можно еще сказать, что это превосходство соответствует превосходству Нового Завета над Ветхим (Послание к евреям. VII, 22). Здесь было бы уместно объяснить, почему Христос происходит из царского колена Иуды, а не из священнического колена Левия (Там же. VII. 11–17), но эти рассуждения отвлекли бы нас от основной темы. Наличие двенадцати колен, происходящих от двенадцати сыновей Иакова, непосредственно соотносится с двенадцатиричным строением духовных центров.

99

Послание к евреям. VII, 9.

100

Там же. VII. 8.

101

В сочинении александрийских гностиков, известном под названием "Пистис София", Мелхиседек рассматривается как "Великий собиратель вечного света"; эта функция также роднит его с Ману, который вбирает в себя лучи разумного света, исходящие непосредственно из Абсолюта я рассеивает их в подвластном ему мире; именно поэтому Ману именуется "сыном Солнца".

102

Существуют и другие традиции, касающиеся Мелки-Цедека; согласно одной из них, он был рукоположен в священнический сан в земном Раю архангелом Михаилом в возрасте 52 лет. Символическое число 52 играет столь же значительную роль в индусской традиции, где оно считается суммой всех смыслов, заключенных в Веде; известно также, что число этих смыслов соответствует числу различных произношений моносиллабы Ом.

103

"В «Махабхарате» имя или, вернее, титул Дхарма-Раджи прилагается, в частности, к Юдхиштхире, сыну Дхармы, богини справедливости; но первоначально оно относилось к Яме, "судье мертвых", чья тесная связь с Ману уже была подчеркнута выше.

104

В христианской иконографии в сцепах "Страшного суда" архангел Михаил изображается именно с этими атрибутами.

105

Равным образом, в Древнем Египте богиня Ма или Маат была одновременно воплощением «Справедливости» и «Истины»; в сцене посмертного Суда она изображается на одной чаше весов, вторую из которых занимает сосуд, иероглиф души. По-еврейски «Хак» значит "определение, закон" (Пс.11, 7).

106

Числовое значение слова Хак равно 108, это одно из основных циклических чисел. В Индии четки шиваитов состоят из 108 зерен; первоначально четки символизировали собой "цепь миров", т. е. причинно-следственную связь циклов или состояний бытия.

107

Эту символику можно было бы свести к формуле: "сила на службе права", если бы современное человечество не слишком злоупотребляло силой, понимая ее чисто внешним образом.

108

Быть может, с этим корнем связано также слово хан, титул, принадлежащий вождям некоторых племен Центральной Азии.

109

Цедек — это также название планеты Юпитер, чей ангел именуется Цадкиил-Мелек: сходство с именем Мелки-Цедека (к которому прибавлена частица «ил», составляющая общее окончание всех ангелических и божественных имен) настолько бросается в глаза, что о нем не стоит и говорить. В Индии та же планета носит название Брихаспати, т. е. "Владыка небес". Другой синоним слова Малкут — это Саббат ("Покой"), чье значение тесно связано с идеей «Мира», выражающей, как мы видели выше, внешний аспект самой Шехины. тот, посредством которого она сообщается с "нижним миром".

110

Vuillaud M. Op. cit. T. 1. P. 509.

111

У самаритян ту же роль играет Гаризим, носившая схожие наименования: "Благословенна гора", "Вечная вершина", "Гора наследия", "Дом Бога", "Скиния ангелов", "Обиталище Шехины"; в иных случаях она идентифицируется даже с "Первозданной горой" (,Хар Кадим), где располагался Эдем, не затопленный водами потопа.

112

Vuillaud M. Op. cit. T. 1. P. 509.

113

Эзотеризм Данте.

114

Vuillaud M. Op. cit. T. 2. P. 116.

115

Кальпа включает в себя четырнадцать манваитар; Вайвасвата, теперешний Ману, является седьмым по счету в нашей кальпе, носящей название Швета-Вараха-Кальпа или "Эра белого Кабана". Еще одно любопытное замечание сводится к нижеследующему: евреи называли Рим Эдомом; традиция говорит о семи римских царях, второй из которых, Нума, рассматривался как законодатель этого города; его имя является точной анаграммой имени Ману и в то же время может быть сближено с греческим словом номос, т. е. «закон». Весьма вероятно что эти семь римских царей, с известной точки зрения, являются не чем иным. как частным представлением о семи Ману определенной цивилизации, точно так же, как семь греческих мудрецов могут быть символически приравнены к семи индийским риши, в которых воплотилась мудрость мирового цикла, непосредственно предшествовавшего нашему.

116

Пещера или грот могут символизировать полость сердца как центр человеческого существа, а также внутренность "Мирового яйца".

117

Сведения, приводимые здесь, отчасти почерпнуты из Еврейской энциклопедии (L'Enciclopedie juive. T. 8. P. 219).

118

Быт., 28. 19.

119

В традициях некоторых народов Северной Америки также говорится о дереве, с помощью которого люди, жившие первоначально в недрах земли, выбрались на ее поверхность, тогда как некоторые из их собратьев так и остались в подземном мире. Вполне вероятно, что именно этими традициями вдохновлялся Бульвер-Литтон в своем романе "Раса будущего".

120

От того же корня kal происходят и другие латинские слова, например, caligo ("темнота", "помрачение") и, быть может, occultus ("сокровенный", "потаенный"). Но возможно, что форма caelare происходит от корня caed, имеющего смысл разделения, расчленения (откуда caedere, «убивать», "умерщвлять"), а также сокрытия. Так или иначе, значения всех этих корней весьма схожи между собой, что могло легко привести к ассимиляции caelare и celare, даже если эти формы этимологически независимы одна от другой.

121

"Крыша мира", аналогичная "Небесной земле" или "Земле Живых", в традициях Центральной Азии соотносится с "Западным небом", где царит Авалокитешвара. По поводу значения глагола caelare можно вспомнить масонское выражение "быть в укрытии": расписанный звездами потолок масонской ложи изображает небесный свод.

122

Вспомним о "покрывале Изиды" у египтян, о "голубом плаще" вселенской Матери в дальневосточной традиции (Дао дэ дзин, гл. 6); если с этой точки зрения взглянуть на видимое небо, то можно говорить об астрономической символике, «скрывающей» или «раскрывающей» вечные истины.

123

Сапфир играет важную роль в библейской символике; в частности, он нередко фигурирует в видениях пророков.

124

Север по-санскритски — Уттара, т. е. "самая возвышенная область", юг-Дакшина, область, расположенная справа (если наблюдатель стоит лицом к востоку). Уттараяна — это восходящий путь Солнца к северу, начинающийся в точке зимнего солнцестояния и завершающийся летним солнцестоянием; дакшиньяна — это нисходящий путь Солнца к югу, начинающийся летним солнцестоянием и завершающийся зимним.

125

В индийской символике (сохранившейся в буддийской легенде о "семи шагах Будды") семью сторонами света считаются четыре основные направления пространства, зенит, надир и центральная точка между ними. Изображение этих семи сторон составляет трехмерный крест (шесть попарно противоположных лучей, исходящих из единого центра). Равным образом, в кабалистической символике «Святой», или "Внутренний, дворец" располагается в центральной точке шестилучевого креста, образующей вместе с ними септенер. Эти шесть направлений в пространстве иногда уподобляются шести символическим "дням творения", тогда как Саббат, "седьмой день", можно считать возвращением к Первоначалу, т. е. к центру.

126

На самом деле существует всего шесть цветов, дополняющих друг друга и соответствующих шести указанным выше направлениям; седьмой, цвет — это сама белизна, аналогичная их средокрестию.

127

128

Вот почему миндальное дерево считается символом Девы Марии.

129

I послание к коринфянам, 15, 42-3. В этих словах содержится прямая отсылка на известный закон аналогии: "То, что внизу, подобно тому, что наверху, но в обратном смысле". (Генон ссылается на анонимный алхимический текст "Изумрудная скрижаль" — Прим. перев.)

130

По-санскритски слово акшара значит «неразделимый», а также «неразрушаемый», "нетленный"; так называется каждый отдельный слог, первоэлемент и «зародыш» языка, но чаще всего это обозначение прилагается к моносиллабе «Ом», которая содержит в себе все три Веды.

131

В несколько иной форме понятие о "зародыше бессмертного существа" встречается и в других традициях, в частности, в даосизме. Аналог этого «зародыша» в макрокосмическом плане — "Мировое яйцо", содержащее в себе начатки будущего цикла.

132

Символика психеи в Древней Греции во многом основана именно на этом сходстве.

133

Слово кундали (в женском роде — кундалини) обозначает нечто, свернувшееся в кольцо или спираль; эта форма символизирует эмбриональное, «неразвитое» состояние.

134

В этом смысле обиталищем шакти может также считаться полость сердца; мы уже говорили о соответствии между индусской шакти и еврейской шехиной.

135

Это Брахма-рандра или отверстие Брахмы, точка соприкосновения шушумны или "коронарной артерии" с "солнечным лучом".

136

Все вышеизложенное непосредственно соотносится с реальным смыслом известной герметической формулы: "Посети недра земли, где обрящешь истинное лекарство — тайный камень"; в абревиатуре — Vitriolum. "Философский камень" в то же время является "истинным лекарством", "эликсиром долголетия", то есть не чем иным, как "напитком бессмертия". В тексте алхимической формулы «inferiora» иногда заменяется на «interiora», но это не меняет ее основного смысла, имеющего явное отношение к "подземному миру".

137

Этими словами заканчивается пророчество, сделанное "Царем Мира" в 1890 г. во время его появления в монастыре Нарабанчи.

138

Манванатара или эра Ману, называемая также Маха-югой, включает в себя четыре вторичные периода: это Крита-юга (или Сатья-юга), Двапсра-юга и Кали-юга, которые соответствуют «золотому», "серебряному", «медному» и «железному» векам греко-латинской античности. В смене этих периодов просматривается неуклонное нарастание материализации, объясняющееся удалением от Первоначала в ходе циклической манифестации телесного мира начиная с его "первозданного состояния".

139

Начало этого века в библейской символике отображается, в частности, строительством Вавилонской башни и "смешением языков".

140

Рассуждая логически, можно было бы предположить, что грехопадение и потоп знаменовали собой конец двух предыдущих веков, но в действительности отправная точка иудаистской традиции не совпадает с началом Манвантары. Не следует забывать, что циклические законы приложимы к различным периодам неодинаковой протяженности, порой перекрывающим друг друга, откуда проистекают сложности, которые с первого взгляда кажутся неразрешимыми; решить их можно только при учете иерархического соподчинения соответствующих традиционных центров.

141

Это выражение заимствовано из даосских учений; с другой стороны, мы употребляем здесь слово «интенция» в том смысле, который аналогичен арабскому термину нийа и вполне соответствует латинской этимологии глагола intendere ("направлять в определенную сторону").

142

Все вышесказанное позволяет понять точный смысл евангельской формулы: "Ищите и обрящете"; сюда же относятся такие уже упоминавшиеся нами выражения, как "правое намерение" и "добрая воля".

143

Речь идет, разумеется, об относительно внешнем характере этих вторичных центров, поскольку сами они стали более или менее недоступны со времен начала Кали-юги.

144

Ему соответствует нисхождение с небес нового Иерусалима, который, как мы объяснили в Эзотеризме Данте, является в то же время "земным Раем" для начинающегося цикла.

145

Рассматривая этот вопрос с более широкой точки зрения, можно сказать, что такие же фазы усматриваются и в ходе удаления всего человечества от первозданного центра; этим фазам соответствуют различия между югами.

146

Вышеизложенные соображения позволяют понять, почему невозможно принимать всерьез многочисленные псевдо-инициатические организации современного Запада: среди них не найдется ни одной, которая, при тщательном рассмотрении, могла бы представить малейшее доказательство своей «регулярности».

147

Напомним параллель между ведическим Агни и символом Агнца, проведенную в наших трудах Эзотеризм Данте и "L'Homme et sondevinir selon le Vedanta". Оссендовский, со своей стороны, неоднократно указывает, что культ Рамы все еще существует в Монголии; стало быть, здесь идет речь вовсе не о буддизме, как того хотелось бы большинству ориенталистов. Кроме того, до нас дошли сведения, будто бы память о "Цикле Рамы" до сих пор не утрачена в Камбодже, но сведения эти носят столь необычный характер, что мы не решаемся их здесь пересказывать.

148

Укажем, кроме того, на апокалиптические изображения Агнца, стоящего на книге, запечатанной семью печатями; семь таинственных печатей упоминаются также в тибетском ламаизме, и нам кажется, что это совпадение нельзя считать чисто случайным.

149

В арабских источниках утверждается, что до горы Каф нельзя добраться ни "по суше, ни по морю". (Ср. с тем, что говорилось выше о Монсальвате.) Одно из ее названий — "Гора Святых".

150

Эта взаимодополняемость отражена в фигурах двух треугольников, чьи вершины обращены в противоположные стороны; их наложение друг на друга образует "печать Соломона"; сюда же относятся парные символы копья и чаши и многое другое.

151

Nabe по-немецки значит «ступица», Nabel — «пуп»; то же самое и по-английски: Nave и Navel, причем последнее слово имеет общий смысл центра или сердцевины. Греческое «омфалос» и латинское umbilicus являются разными огласовками одного и того же слова.

152

Агни в Риг-Веде именуется "пупом Земли", а свастика, как уже говорилось выше, часто служит символом Агни.

153

В Греции существовали и другие духовные центры, но их главной задачей было посвящение в Эливсинские и Самофракийскис мистерии, тогда как Дельфы играли социальную роль, касающуюся непосредственно всего населения Эллады.

154

Быт., 28, 16–19. Нетрудно заметить фонетическое сходство между Бейт-Леемом и Бейт-Элохим, который также фигурирует в тексте Книги Бытия.

155

"И приступил к нему искуситель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами" (Матфей, 4,3; ср. Лука, 4,3). Эти слова обретают таинственный смысл, если рассмотреть их в свете нижеследующих рассуждений: Христу и в самом деле предстояло совершить подобное превращение, но духовно, а не материально, как того добивался искуситель; духовный порядок аналогичен материальному, но в обратном смысле, а одна из примет демона состоит в том, что он всегда действует «наоборот». Христос, как воплощение Слова, сам является этим "хлебом живым, сошедшим с небес", откуда Его ответ: "Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих"; это и есть тот самый хлеб, который в Новом завете призван заменить камень в качестве "Дома Божия", вот почему, кстати говоря, смолкли оракулы. По поводу этого хлеба, равнозначного «плоти» воплощенного Слова, интересно заметить, что арабское слово «лам» (то же самое, что еврейское леем) в точном переводе означает именно «плоть», а не «хлеб».

156

Быт. 28, 22.

157

Встречаются греческие омфалосы в виде камня, обвитого змеей; та же змея окружает иногда подножия или вершины халдейских межевых столбов, которые также должны рассматриваться как настоящие омфалосы. Впрочем, символика камня (равно как и дерева, изображающего "Мировую Ось") тесно связана с символикой змеи; то же самое касается и яйца, особенно у кельтов и египтян.

158

Вспомним, что Китай также именовался "Срединной Империей".

159

160

Столицей королевства Мид была Тара; интересно, что на санскрите слово тара значит «звезда», в частности — Полярная звезда.

161

Настоящее имя св. Патрика, известного теперь только под латинизированным прозвищем было Cothraige, что значит "Служитель четырех".

162

"Истинный человек", находящийся в центре мироздания, не участвует в движении вещей но осуществляет его в силу своего присутствия, будучи отражением "Воли Неба". См. Чжуан-Цзы. Гл. I.

163

Здесь уместно вспомнить четырех автадов исламской эзотерики.

164

Этот первоэлемент соответствует центральной точке свастики, а остальные четыре идентичны ее четырем ветвям.

165

Идеографическим знаком Ацтлана или Тулы была белая цапля; цапля и журавль играют на Западе ту же роль, что ибис на Востоке; все эти три птицы фигурируют среди эмблем Христа; ибис у египтян и был одним из символов Тота, бога Мудрости.

166

Одной из главных помех, связанных с определением точки соприкосновения атлантской и гиперборейской традиций, является переименование некоторых местностей, ведущее ко всякого рода путанице; однако, несмотря на все это, данный вопрос не так уж неразрешим, как может показаться.

167

Большая Медведица также называлась "Яшмовыми весами", а яшма, как известно, символ совершенства. У других народов созвездия Большой и Малой Медведицы представлялись двумя чашками весов. Эти символические весы некоторым образом соотносятся с теми, которые, согласно "Книге Тайны" (один из разделов Захара), "подвешены в месте несуществующем", т. е. в «непроявленном», которое в нашем мире соответствует полярной точке; впрочем, можно сказать, что именно Полюс фактически является центром равновесия нашего мира.

168

Большая Медведица в Индии называется Сапта-рикша, считаясь символическим обиталищем семи «мудрецов» (риши); эта символика вполне сообразуется с гиперборейской, тогда как в традиции атлантов Большая Медведица в этой роли заменена Плеядами, которые также состоят из семи звезд; известно, впрочем, что древние греки считали Плеяд дочерьми Атланта и поэтому назывались Атлантидами.

169

Вспомнив о подмеченном выше фонетическом сходстве между словами Меру и meros.

170

Швета-двипа — это одно из 18-и подразделений Джамбу-двипы.

171

Сюда же относятся "Острова блаженных" и "Сады Гесперид" западной античности, однако они мыслились лежащими на Западе ("hesper" по-гречески и «vesper» по-латински значит «закат», т. е. "запад"), что указывает, с одной стороны, на традицию атлантского происхождения, а с другой — заставляет вспомнить "Западное небо" тибетской традиции.

172

Название "остров Святых", наравне с "зеленым островом", прилагалось в свое время не только к Ирландии, но и к Англии. Заметим, кстати, что такое же значение имеет название острова Гельголанд.

173

Здесь сочетание перед нами тех самых символических цветов, о которых мы говорили в "Эзотеризме Данте".

174

В исламской эзотерике также известны "Зеленый остров" (эль-джезира эль-хадран) и "Белая гора" (эль-джабал элъ-абид), хотя сведения о них крайне поверхностны.

175

В некоторых текстах говорится также о радужной кайме, которую можно сопоставить с плащом Ириды: на нее намекает Сент-Ив в своей "Миссии Индии"; сходный образ встречается в видениях Анны-Катерины Эммерих.

176

Латинское прилагательное albus ("белый") соотносимо с еврейским «лабан», имеющим то же значение; в форме женского рода (Лебана) это последнее слово обозначает луну; Luna по-латыни значит одновременно «белая» и «сияющая».

177

Прилагательное аргос означает «белый», и в среднем роде служит наименованием города, а в мужском — именем бога Аргуса. Здесь уместно также упомянуть корабль Арго. якобы построенный при участии Аргуса, причем его мачта была вытесана из дуба, выросшего в Додонской роще. В данном случае название корабля может иметь вторичное значение «быстрый», намекающее на скорость распространения света (в особенности, молнии), но основной его смысл — «белизна» и «сияние». От этого же корня происходит название серебра, белого металла, астрологически соответствующего Луне: argentum по-латыни и arguros по-гречески.

178

Йог, пересекающий море страстей, обретает спокойствие и полноту своей «самости» (атмабодха)", — говорит Шанкарачарья. «Страсти» в данном случае служат обозначением всех случайных и мимолетных модификаций бытия, составляющих "поток форм": это область "нижних вод", известная в символике всех традиций. Вот почему процесс обретения "Великого мира" часто изображается в виде мореплавания, вот почему в христианской символике символом Церкви служит корабль. Процесс этот может также изображаться в виде битвы: именно в таком смысле следует понимать основной сюжет «Бхагават-Гиты», сюда же относится символика "священной войны" (джихад) в учениях Ислама. Добавим, что "хождение по водам" символизирует победу над изменчивым миром видимости: Вишну называется Иараяной, "идущим по водам", то же самое можно сказать и о Христе.

179

Согласно выражению Септ-Ива, заимствованному из символики Таро, высший центр относится к прочим центрам, как "цельная колода ко всем двадцати двум арканам".

180

В завуалированной форме кое-какие сведения об этих законах содержатся в платоновском «Тимее».

181

Вспомним то, что говорилось выше о титуле Понтифекса: что же касается выражения "царское искусство", то оно сохранилось в современном масонстве.

182

Янус у римлян был одновременно божеством посвящений и покровителем ремесленнических корпораций; эта двойственность его функций обретает в свете вышеизложенного совершенно особое значение.

183

Приведем в качестве примера Амфиона, воздвигшего стены Фив при помощи звуков лиры; чуть ниже будет указано значение названия этого города. Известно, какую важную роль играла лира в орфизме и пифагорействе; китайская традиция тоже часто упоминает о музыкальных инструментах в сходном символическом контексте.

184

Многие названия, связанные с идеей белизны, уже приводились выше. Можно было бы также поговорить о священных предметах, с которыми связано процветание и даже само существование того или иного города: таков легендарный троянский палладиум, таковы щиты римских салиев, которые будто бы были выкованы из метеоритного железа во времена царя Нумы; все эти предметы, подобно еврейскому Ковчегу Завета, служили вместилищем "духовных влияний".

185

В этом отношении многозначительно само имя Миноса, соответствующее египетскому Менесу. Упомянем также о Лабиринте, который стал характерным символом в искусстве средневековых зодчих; самое любопытное, что прохождение по извивам «лабиринтов», выложенных на полу некоторых церквей, заменяло паломничество в Святую Землю для тех, кто не мог совершить его на самом деле.

186

Выше мы видели, что сходную роль в Греции играли Дельфы, чье название соотносимо с образом дельфина, — животного, наделенного весьма важными символическими характеристиками. Знаменательно также название Вавилона: Баб-Илу означает "Врата Неба" или "Врата Бога" (вспомним о сходных значениях слов Луз и Бейт-Эль в истории Иакова); но тот же Вавилон становится синонимом хаоса, "смешения языков", когда его традиция утеряна, а символика обретает обратный смысл.

187

Это состояние аналогично тому, в котором пребывает в начале цикла "Мировое яйцо", содержащее в себе зачатки всех тех возможностей, которые должны проявиться в будущем; схожим образом, ковчег содержит в себе элементы, необходимые для восстановления миропорядка, т. е. зачатки будущего.

188

Одна из функций Понтификата состоит в том, чтобы обеспечить передачу традиции от одного цикла к другому; строительство ковчега обретает здесь тот же смысл, что сооружение символического моста, ибо как тот, так и другой призваны обеспечить "переход через воды".

189

Примечательно, что Ной был также и первым виноградарем (Быт. 9, 20); этот факт следует сопоставить с тем символическим названием вина в инициационных обрядах, о котором говорилось выше по поводу Мелхи-Седека.

191

192

Эти две половины соответствуют двум половинам "Мирового яйца", так же как "верхние воды" соответствуют «нижним». В период хаоса верхняя половина становится незримой, а в нижней в это же время свершается то; процесс, который Фабр д'Оливе называл "скоплением тварей". С обратной точки зрения эти две фигуры могут быть также уподоблены двум лунным серпам, обращенным в разные стороны, что соотносится с символикой Януса, одной из эмблем которого был корабль. Отметим далее символическую связь между полумесяцем, чашей и кораблем и, в частности, то обстоятельство, что слова «vaissean» (судно) и «vaissel» (посудина) являются лишь разными огласовками одного и того же слова; "saint vaissel" ("Святая посудина") — одно из обычных наименований Грааля в Средние века.

193

Эта сфера тоже является "Мировым яйцом"; земной Рай располагается на срезе, разделяющем его верхнюю и нижнюю половины, т. е. на границе Неба и Земли.

194

В каббалистике этим четырем рекам соответствуют четыре буквы, образующие слово «Пардес»; в "Эзотеризме Данте" мы подчеркнули их аналогическое соотношение с четырьмя реками Преисподней.

195

Этой смене соответствует переход от растительной символики к символике минерлльной, как мы указываем в "Эзотеризме Данте". Двенадцать врат небесного Иерусалима естественным образом соответствуют двенадцати знакам Зодиака, а также двенадцати коленам Израиля; стало быть, весь этот процесс есть не что иное, как преображение зодиакального цикла вслед за остановкой круговращения мира, который возвращается в первозданное состояние, когда исчерпываются заложенные в нем возможности проявления. "Древо Жизни", росшее в центре земного Рая, растет и в центре небесного Иерусалима; на его ветвях зреют двенадцать плодов, которые в некотором смысле сопоставимы с двенадцатью Лдитъями, так же, как само Древо Жизни — с Адити. их единой и неразделимой сутью.

196

Можно сказать, что сфера и куб соответствуют здесь двум точкам зрения на мировой процесс — динамической и статической; шесть граней куба ориентированы по трем измерениям пространства так же, как шестилучевой крест, начертанный внутри сферы. Само собой напрашивается сравнение этого куба с масонским символом "Кубического камня", выражающим идею совершенства и завершенности, т. е. реализации всей полноты возможностей, заключенных в данном состоянии.

197

В Японии существует буддийская школа «Дзё-до», чье название значит "Чистая Земля"; сходное название встречается в Исламе — это секта "Братьев Чистоты", не говоря уже о средневековых катарах, т. е. «Чистых». Возможно, что и слово суфий, обозначающее мусульманских посвященных, аналогичных индийским йогам, имеет то же значение; согласно вульгарной, весьма неубедительной этимологии, это слово происходит от суф ("шерсть", власяница, которую носят суфии), более приемлемо его происхождение от греческого софос ("мудрец"); лично мы полагаем, что слово это восходит к сафа ("чистота").

198

Символическое описание "Чистой Земли" находится в конце диалога «Федон»; параллель между этим текстом Платона и описанием земного Рая в поэме Данте уже отмечалась Джоном Стюартом в его работе "Платоновский миф", с. 110–113.

199

Различные миры, по сути дела, являются не местностями, а состояниями, хотя символически и могут описываться как таковые; санскритское слово лока, обозначающее их, аналогично латинскому locus, заключает в себе именно такую пространственную символику. Существует и временная символика, согласно которой те же состояния описываются в виде последовательных циклов.

200

Так же обстоит дело с неоднозначными толкованиями священных текстов: не только не противореча друг другу, эти толкования дополняют и обогащают их целостное понимание. С этой точки зрения исторические факты соответствуют временной, а географические — пространственной символике; впрочем, между ними существует такая же связь, как и между самим временем и пространством, — именно поэтому локализация духовного центра может быть разной в различные эпохи.

201

"Санкт-Петербургские вечера", 11-я беседа. Вряд ли стоит пояснять, что де Местр употребляет слово «оракул» в его обычном, разговорном значении, а не в том. точном и частичном смысле, какой это слово имело в Античности; таким образом, здесь нет никакого противоречия с тем фактом, Что "оракулы смолкли" еще во времена Плутарха.